

Лев Пучков
Дикая степь
Серия «Киллер», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119824
Дикая степь: Эксмо; М.: 2004
ISBN 5-699-02292-9*

Аннотация

Бизнесмен Бакланов, в прошлом спецназовец и наемный убийца, неожиданно для себя становится кладоискателем. А все потому, что его бывший сослуживец и близкий друг Бо оказался прямым потомком древнего калмыцкого рода, обладавшего несметными богатствами. У него сохранилась реликвия, которая может пролить свет на тайну клада. Но на самом деле охотников за сокровищами намного больше: это и люди местного калмыцкого царька, и «археологи» из Кремля. Для всех участников событий цель оправдывает любые средства, и кому-то из них не по своей воле придется переселиться из Нижнего мира в Верхний...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	35
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Лев Пучков

Дикая степь

Моим калмыцким друзьям посвящается...

...Все события, описанные в книге, вымышлены.

Любые совпадения с реально существующими людьми и организациями – случайны и непреднамеренны.

Отдельно подчеркиваю: эпизод с Дарькиным от начала и до конца – не более чем плод богатого воображения автора.

И вообще, не следует рассматривать данное произведение как попытку социально-политического анализа.

Просто автор несколько лет прожил в Калмыкии и делится с вами своими частными впечатлениями...

Глава 1

...По прибытии в Элисту я попросил Бо покатасть меня на верблюде. Дескать, давно мечтал познакомиться с горбатым другом скотоводов, вынес из тревожного детства страстное желание, навеянное романтическим хаггардовским флером: подрастрясти когда-нибудь задницу на этом гордом корабле пустыни...

– П...дец пришел твоим кораблям, – пробурчал Бо, не желая изменять своей обычной манере. – Утопили на фуй.

– ???!!!

– Да сожрали, блин! Че тут непонятного?

Оказывается, напряг в Калмыкии с верблюдами. Мало их. По улицам косяками не шатаются. И чтоб покатасться, надо пилить черт-те куда, блукать по чабанским точкам – по случаю, может быть, и напорешься ненароком.

Так что – терпи, брат. Если поедem в ту сторону, тогда посмотрим. А пока катайся на джипе – дешевле обойдется.

Вот так сказал Бо. И я ему поверил: Бо – мой учитель, он старше, мудрее и так далее. А еще он местный. Значит, все знает.

Оказывается, Бо слегка ошибался. Не нужно никуда ехать и искать. Достаточно разойтись во взглядах с тибетскими монахами, невесть как угодившими на калмыцкую свадьбу, и некорректно отправить их в известные места. Они вам ласково этак улыбнутся и кольнут ненароком в плечико какой-то дрянью. От этой дряни у вас в башке случится цветной коллапс с погружением, а очнетесь вы уже на верблюде, который мерно вышагивает по необозримой калмыцкой степи. Вот и покатались...

Вы когда-нибудь путешествовали на верблюде, будучи посажены в глубокий мешок и привешены сбоку наподобие какого-нибудь тюка? Если нет – примите мои соболезнования. Незабываемые ощущения! А ежели к тому же у вас связаны руки и ноги, а на голову надета нехорошо пахнущая тряпка, получается вообще полнейшая экзотика.

О том, что это верблюд, я догадался по мерному колыханию своего многострадального тела и характерному всхрапыванию чуть спереди по курсу: по телевизору доводилось слышать. А с другой стороны висел Бо: его красноречивое сопение я узнаю даже по телефону в три часа пополуночи.

Тот факт, что Бо рядом, несколько успокаивал. Его присутствие на меня всегда действует умиротворяюще и снимает всякую ответственность за развитие событий: нормаль-

ная атавистическая реакция бывшего военного на присутствие умного командира, который решает все вопросы одним движением бровей. Но вот положение, в котором мы пребываем, положение...

Ах да – совсем запамятовал: здравствуйте, уважаемый читатель! Это я забылся от досады великой.

Давненько со мной не случалось такого безобразия. Почти шесть лет в режиме благоденствия и разгильдяйства сказываются на бойцовских качествах самым пагубным образом: смекалка и осторожность загибаются от дистрофии, интуиция покрывается внушительным слоем целлюлита и работать отказывается напрочь.

В общем, везут нас по степи черт знает куда и зачем, когда прибудем в пункт назначения – неизвестно. Так что давайте помаленьку знакомиться. А те, кто помнит нас с Бо по первым двум книгам¹, могут сразу перевернуть несколько страниц и продолжить чтение.

Бакланов Эммануил Всеволодович. Это я. Спасибо родителям – Иваны и Василии отдыхают. Хотя, если честно признаться, начиная с того момента, как стал себя осознавать членом мироздания, системы, коллектива и т. д., всегда горько сожалел, что меня этак зверски обозвали. А хотелось как-нибудь попроще: допустим, Женей или Колей.

Это у меня в детстве друзья были: Женя Ткач и Коля Поздняк. Парни, конечно, не без недостатков, а ежели конкретно – ну просто оторви да брось, отъявленные мерзавцы. Но имена их в нашей ребячье-тусовочной интерпретации звучали просто восхитительно! Вот смотрите: «...Жека сказал...» или «...Жека отвечает!». А еще вот так: «...Колян передал...», «...Тот поц че-то быканул, Колян его моментом урыл!».

Здорово, правда? Жека сказал, и – ша! Все, вопросов нету. А теперь сопоставьте, каким отвратительным диссонансом звучало в таком же контексте мое имечко: «...Эммануил сказал... Эммануил отвечает...» Ну согласитесь – это же просто недоразумение какое-то! За что может отвечать человечешко с таким странным имечком?

Поэтому издавна повелось, что все, кто ко мне хорошо относится, зовут меня как-нибудь по-другому, а по имени величают, желая поприкалываться. Для своих я – Бак. Звучно, коротко, весомо. Для чужих – господин Бакланов. А Бо по старой памяти обзывает меня Про или Профессор. Нет, ученой степени я не удостоился и преподавательской деятельностью тоже не балуюсь. Просто члены коллектива, в котором мы с Бо познакомились, считали, что я слишком интеллигентный и начитанный для рода моих занятий.

Теперь угадайте, кто я такой. С трех раз, как у нас водится. Раз, два... А вот и неправильно! Привыкли, понимаешь, к стереотипу: главные герои у наших детективщиков все время – кто? Перечисляю: спецназовцы разнообразные, бесстрашные ужасно, битые-ломанные, под звук военного марша на броне рожденные; мастера каких-то там единоборств универсальных, только что из шаолиней повылезавшие; жутко засекреченные агенты спецслужб, с портативной спутниковой антенной вместо некоего органа и имплантированной в левый глаз цифровой видеокамерой; ловкие опера-затейники, что скуки ради выводят под корень всю местную мафию и по ходу дела плотоядно облизываются на мафию соседнюю – вот уж, мля, разберусь – и до вас, блин, доберусь! На худой конец – совершенно нечаянно попавшие в бандитскую группировку все те же мастера чего-то там, которые мучительно ищут по всей канве повествования свое место в жизни и ближе к концу обязательно находят. И все они, как водится, чистые и светлые, до денег лишь чуть-чуть охочие, а главное для них: Светлая и Высокая Цель. Добро, Справедливость и так далее.

А я... президент провинциальной сельскохозяйственной корпорации. Ха-ха три раза. Наша фирма называется «Даная» и специализируется на производстве и реализации в области и за ее пределами разнообразной деревенской снеди: курка, яйко, млеко, огурчики, гри-

¹ «Профессия – киллер» и «Испытание киллера».

бочки и так далее. Вот такая проза, никакого героизма. Вы имеете дело с простым предпринимателем.

Нет, я не толстый плешивый семьянин преклонного возраста: мне всего лишь тридцать пять лет, волосат по норме, холост, вешу восемьдесят пять кило при росте 174 см, и эти восемьдесят пять – хорошо тренированные мышцы. Физкультуру я люблю: по утрам бегством страдаю, три раза в неделю посещаю спортзал, регулярно навещаюсь в сауну и балую свое мясо профессиональным массажем. А еще я заочно учусь на пятом курсе Международной экономической академии на факультете «Менеджмент и маркетинг». Хочу быть ученым руководителем с евродипломом.

Фирма вроде бы закономерно досталась мне по наследству от моего почившего биопапы (о том, что он – папа, я узнал лишь после его смерти, а до того момента думал, что мой настоящий отец – человек, который меня воспитывал). Там все отлажено до мелочей, руководят ею мастера своего дела, являющиеся владельцами приличного пакета, так что мне остается лишь вовремя расписываться, читать месячные отчеты да на совещаниях делать умное лицо.

Времени свободного навалом, и я трачу его в свое удовольствие: потихоньку развлекаюсь тем, что с детства приятно моему сердцу. А приятны ему дао, ушу, йога и иные восточные прелести, а также мистика и разнообразный оккультизм во всех его проявлениях. Живу в гармонии с собой и окружающим миром: не курю, сильно люблю женщин и дорогие машины, хороший стол и качественные напитки (дагестанский коньяк по 116 рубчиков за бутылку пить не буду даже под угрозой расстрела), иногда – в хорошей компании да под настроение – могу употребить достаточно много без особого ущерба для организма. Потом, правда, жестоко страдаю, пока не выгоню всю дрянь на тренировке да в бане.

Вот такой я славный парень, можно сказать – «новый русский» во всем блеске и великолепии.

Но это я сейчас – такой. А для полноты картины, полагаю, следует упомянуть, чем я занимался несколько ранее. Потому что несколько ранее – опять ха-ха три раза... ну да, где-то они правы, эти детективщики вредоносные, куда деться! Служил я в спецназе Внутренних войск. Шесть лет. Окончил Новосибирское высшее командное училище ВВ МВД СССР, был кадровым офицером, дослужился аж до капитана, поучаствовал чуть ли не во всех кавказских войнушках. Затем меня выперли за плохое поведение – углубляться не буду, недосуг.

Но это ладно, это еще куда ни шло: хотя спецназ и выполнял достаточно специфические задачи, все это делалось с милостивого соизволения Родины и во ее благо, как говорится.

А вот чуть позже... Черт, даже вспоминать не хочется – до того это было нехорошо.

Однако из песни слова не выкинешь. Увы, не герой я. Не светлый и вовсе не чистый. Два года я прилежно вкалывал на некую организацию, именуемую промеж своих Профсоюзом. Сначала они меня подловили на одном мерзком деле, затем чуть-чуть обучили по своей методе и использовали на полную катушку. А по истечении двух лет устроили все таким образом, чтобы я стал президентом «Данаи»...

По молодости лет я грешным делом воображал себе, что Профсоюз – некая могущественная частная мафия наподобие масонского ордена: больно у них были методы и формы работы нехороши для нормального госучреждения. Однако сейчас, по истечении достаточно внушительного срока общения с этой организацией, я твердо уверен, что это – государственное образование, одна из крепких составляющих какой-то спецслужбы. И не только сфера интересов данного учреждения наводит на такую мысль, но и практически легальное предоставление высокого покровительства, и железные гарантии безопасности. Теперь наша фирма пребывает под надежной «крышей» Профсоюза и исправно перечисляет на его счета достаточно внушительные суммы. А я, как конечный продукт всей этой аферы, в тече-

ние вот уже почти шести лет избавлен от необходимости заниматься грязной работой и могу жить, как уже упомянул выше, в гармонии с собой и окружающим миром.

Да, чуть не упустил: по поводу грязной работы...

Там, в Профсоюзе, меня не заставляли грядки по колено в навозе окучивать. И ассенизаторскими забавами развлекаться не приходилось. Хотя, доведись мне выбирать, с удовольствием превеликим занимался бы чем-то подобным, лишь бы не делать той подлинно грязной работы, что поручал мне Профсоюз.

Дело в том, что я людей убивал.

Причем не посредством прямого контакта, ножом, пулей либо минно-взрывным способом, а гораздо более изощренно. Смерть моих «клиентов», ввиду подтасовки обстановочных факторов и умелой режиссуры, всегда была достоверно натуралистичной: ни у кого не возникало сомнений, что почили они самопроизвольно, без вмешательства чьей-то злой воли.

И пусть эти клиенты были кончеными подонками, но тем не менее это все же люди. Были. Живые, теплые, со своими чаяниями и надеждами. Маленькие миры, которые я, ничтоже сумняшеся, профессионально пускал под откос...

Но хватит о грустном: это было давно и минуло, как дурной сон.

А сейчас я хороший. У меня доброе и открытое лицо – чужие младенцы, например, с охотой позволяют мне брать их на руки и гукают от удовольствия. А эти хитрые гаденыши так вот запросто далеко не всем доверяют: чутье у них звериное, не загубленное пока что цивилизными манерами.

Ну вот, со мной более-менее ясно.

А теперь – Бо. Жалко, что он не горбатый. Я бы представил его с интонацией: а теперь – горбатый! Я сказал – горбатый! Но он просто толстый. Летом весит сто двадцать кило при росте 172 см (а зимой, как вы знаете, все нормальные обжоры толстеют). И эти сто двадцать – могучее мясо. Бо от природы наделен невероятной физической мощью, которая, как это ни странно, сочетается с незаурядным умом, развитой в неблагоприятных для жизни условиях интуицией и сугубо азиатской хитростью.

Да, почему – Бо? Извольте – Бокта Босхаевич Болдырев. Тройной Бо. 1958 года рождения, калмык. Сын репрессированного народа, родился в поселке Решеты Красноярского края, куда в декабре 1943 года шаловливый затейник Сталин определил его родителей в числе двухсот тысяч калмыков, депортированных из родной Степи в сибирскую тайгу.

Бо учился в том же заведении, которое несколько позже окончил ваш покорный слуга, так что наша душевная общность была некоторым образом предопределена с момента первой встречи. Прилежно трудился в Афганистане и во всех заслуживающих внимания точках Северного Кавказа и Закавказья.

Два с половиной года этот прожорливый толстяк был моим командиром роты. Из сопливого салаги с неумеренными амбициями и пригоршней навыков выпестовал из меня настоящего воина: всем, что умею делать на поле боя, я обязан Бо.

Потом его, как и меня в свое время, выперли из войск. За скверное поведение на первой чеченской.

Бо долго горевать не стал: прихватил с собой соратников, пожелавших одновременно с командиром покинуть армию, заявился в мой родной город и нашел себе на периферии непыльную работенку, возглавив... криминальную группировку. Для этого, правда, ему предварительно пришлось кое-кого аннулировать и железной рукой наводить пошатнувшийся порядок в тамошних бригадах.

Но ничего – справился... А чуть позже мой бывший ротный не без моей помощи плавно перетек в легальную и вполне уважаемую ипостась и в настоящее время возглавляет охранную фирму «Гарант» города Новотопчинска.

Что еще? В быту скромн. Любит хорошие машины, хорошую еду и дам с упругими пышными формами – их красота и интеллект его при этом совершенно не интересуют (желательно только, чтобы они реагировали на ряд команд: «лежать – стоять – сидеть», «выше – ниже», «правее – левее», «быстрее – тише» и – «вали отсюда»).

Побрякушки и другие внешние атрибуты сытой жизни принципиально презирает: часы не носит вообще, золото игнорирует – толстенная его шея и пальцы свободны от типичных признаков «новых русских».

В общем-то можно долго рассказывать об этом уникальном экземпляре, но я журчать попусту не стану, а просто приведу для полноты характеристики один из эпизодов нашего совместного военного прошлого. Должен сразу оговориться: эпизод отнюдь не самый впечатляющий, а, можно сказать, достаточно рядовой. Один из самых впечатляющих, да простят меня те, кто сейчас впервые читает про наши похождения, я привел в качестве иллюстрации в книге «Испытание киллера». Так что повторять такой достаточно длинный кусок повествования будет просто некорректно...

Случилось это лет за пять до первой чеченской. Мы с Бо тогда выполняли СБЗ² в одной из республик Северного Кавказа – я был уже зрелым лейтенантом, с солидным служебным стажем в один год и три месяца, а Бо – молодым майором (месяц назад присвоили), которого можно было в любой момент выгнать на пенсию.

В комендатуре, к которой мы были прикомандированы, произошло ЧП – пропал зам по технике и вооружению майор Попов. Поехал в соседнее село – на обрезание пригласили – и обратно не вернулся. А спустя сутки к коменданту пожаловал очень авторитетный в селе гражданин и сообщил: так и так, майора вашего забрал Хамид. Теперь ждет кого-нибудь на переговоры – хочет чего-то за майора просить.

Хамид – местный головорез, командир небольшого НВФ³ стволов в двадцать. Гуляет по горам, пакостит помаленьку, в своем районе, по славному местному обычаю, считается народным героем и первым кандидатом в шахиды⁴. Тип еще тот – умный, бесстрашный, беспощадный к врагам рейха и все такое прочее. Головорез – это не метафора, он головы врагам самолично резал.

Еще местный авторитет сообщил: Хамид поставил условие. На переговоры должны прийти не более двух человек, и без оружия. В противном случае он лично отрежет Попову башку...

Вот такая нехорошая история. А особенно досадным данное обстоятельство выглядело ввиду того, что через три дня весь состав комендатуры собирался домой – ждали плановую замену. Представляете – подфартило под смену!

Комендат размышлял недолго: вызвал Бо, сказал ему, чтобы взял с собой лейтенанта своего рукопашного и ехал, куда скажет авторитет, – общаться с Хамидом. Оружия с собой не брать – ни в коем случае! А то получим голову Попова...

Рукопашный лейтенант – это ваш покорный слуга. Я первенство комендатуры по рукопашке взял (Бо не участвовал – он понарошку никогда не дерется, боится людей покалечить).

Бо распоряжение коменданта выполнил – но по-своему, с учетом местной специфики. А специфика такова, что командир мой неоднократно испытал коварство местных товарищей на собственной шкуре, ни на грош им не верил и к самоубийству склонен не был.

Поэтому мы с ним, разумеется, отправились без оружия. Но прихватили с собой взвод до зубов вооруженных бойцов на двух бэтрах⁵ с полным боекомплектom. Ехать-то нам на

² СБЗ – служебно-боевые задачи.

³ НВФ – незаконное вооруженное формирование.

⁴ Шахид – герой, павший смертью храбрых в священной войне с неверными (ислам.).

⁵ Бэтр – БТР (жарг.).

чем-то надо?! А то, что бойцы, – так это их дело, может, они просто гуляют себе, воздухом дышат!

Авторитет указал нам место: два километра от села, на верхней дороге. Сразу за селом начинается гора, вдоль которой, постепенно поднимаясь вверх, к перевалу, струится тонкой змейкой серпантин старого шоссе. Вот это и есть верхняя дорога.

Добравшись до указанного места, мы обнаружили впереди «Ниву» с тонированными стеклами и остановились метрах в трехстах от нее – какой-то вахлак на миг выскочил из машины и грозно крикнул, что дальше ехать нельзя. А то – хана.

Крикнув, вахлак тотчас же спрятался обратно и более ничего не сказал. Но нам было ясно, кому – хана, и потому Судьбу испытывать не стали. Бо коротко отдал распоряжения: наводчик головного бэтра и два снайпера взяли на прицел «Ниву», а мы слезли с брони и потихоньку потопали к вражьей тачке.

– Хорошо встали, – похвалил Бо Хамида. – Если не стоворимся – пи...дец Попу.

– Точно, – согласился я, оценив диспозицию.

Да, встали нормально: справа – отвесная стена, слева – пропасть. Шоссе узкое – метра четыре, левые колеса «Нивы» стоят на самой бровке, в шаге от края пропасти. Стекла тонированные, в кого стрелять, снайперам не видно. В общем, обойти, объехать, подкрасться поближе и адресно взять врагов на прицел – никак не выходит.

– Мы, вообще, договариваться идем, – продолжал Бо, беспечно глаза по сторонам. – Но случиться может всякое... Ты вот что – будь готов.

– Всегда готов, – по-пионерски ответил я, но на всякий случай уточнил: – А к чему быть готовым?

– Ко всему, – буркнул Бо. – Слушай меня внимательно. Если скажу – жопа чешется, значит, будем работать.

– Как это тонко! – съерничал я. – Жопа – это да. Это очень актуально.

– Не умничай, Профессор, – одернул меня Бо. – Если про жопу услышал – все бросай, смотри на меня очень внимательно. И команды слушай в оба уха – повторять некогда будет. Понял?

– Понял, – подтвердил я. – Я не подведу...

В «Ниве» было пять человек. Когда мы приблизились, супостаты предложили взглянуть, как они ловко обставились: приспустили стекло на правой двери, чтобы можно было просунуть голову – нате, любуйтесь.

Мы посмотрели: Бо просунул голову в образовавшийся проем, я расплющил нос, прижавшись лицом к заднему боковому стеклу.

В общем-то ничего там сногшибательно хитрого не было – один из обычных горских вариантов переговоров об обмене заложника.

Двое сидели спереди – с автоматами. Трое – сзади. Спутанный километром репшура Попов, в натянутой до горла шерстяной шапке, – посреди, два бородача – по бокам. В кармашках чехлов передних сидений вольно болтались шесть гранат «Ф-1» с разогнутыми усами предохранительной чеки. В колечки был продет тонкий стальной трос, конец которого намотал себе на руку тип, представившийся Хамидом, – он сидел сзади, слева от Попова.

Как видите, схема незатейливая, но безотказная. Если вдруг что – за трос дернул, и привет! Разлет осколков – двести метров. Время горения замедлителя запала – не более четырех секунд. Не убежишь, не спрячешься. Если ты наделен великолепной реакцией и не отягощен экипировкой – то есть не потратишь пару секунд на обычную в таких случаях суету, – можно успеть отскочить на десяток метров и залечь. Есть шанс получить тяжкие увечья (помимо осколков в тебя полетят фрагменты машины), но остаться в живых. А спутанный по рукам и ногам заложник, зажатый на заднем сиденье, однозначно превратится в фарш – мне такое доводилось наблюдать.

– Ты как, Поп? – участливо спросил Бо.

– Бьют, – прорвался из-под шапки осипший голос Попова.

– Все – морда назады забрал, – недовольно буркнул Хамид, красноречиво натянув трос. – Забрал и слушал, как я сказал!

Бо вынул голову и смиренно сложил руки на животе – слушать приготовился.

Слушать долго не пришлось: требование было конкретным и кратким. Если комендант хочет получить обратно Попова – пусть до исхода завтрашнего дня вернет все оружие, принадлежащее Хамиду. Если нет – мы получим майорскую голову.

Я знал, о каком оружии идет речь. Накануне мы выпасли богатый схрон с вооружением и экипировкой, которых отряду Хамида хватило бы, чтобы страдать ратными забавами минимум квартал. Все это хранилось в комендатуре – со сменой должна была подскочить комиссия для пересчета и ликвидации.

Бо досадливо прищурился в небо и принялся размышлять. Нет, глупого Попа ему жаль не было – сам попался. Само предложение его здорово напрягло. Это же сколько лишней работы! Готовить спецоперацию, «выводить» предполагаемые места обмена, участвовать в обмене, а потом, непосредственно после обмена, ломиться по горам за Хамидом... А тут – вот они, оба, и Хамид и заложник.

– Дался вам этот обмен, – недружелюбно буркнул Бо и вульгарно почесал задницу. – Че-то жопа чешется. Видать, к дождю...

Вахлаки на передних сиденьях гыгыкнули – шутка юмора понравилась.

Я обмер. Что он собирается делать? Расстреляй меня на месте – совершенно не представляю, что можно сделать в такой ситуации!

– Ти нэ понал?! – угрозливо воскликнул Хамид. – Я сказал! Шьто ищо хочиш?

– Понял, понял – пошли мы. – Бо шагнул влево, оттесняя меня, и флегматично распорядился: – Переднее крыло.

– Не по... – только и успел я разинуть рот.

Трах! Мощным тараном мотнувшись вперед, Бо сжатыми кулачищами прошиб стекло со стороны заднего сиденья и до половины нырнул в салон.

– Вах! – охнул кто-то в салоне.

В следующее мгновение Бо моторно рванулся назад, выдрав из окна Попа, как легкую тряпичную куклу.

«Плюх!» – Спеленатый Поп рухнул на асфальт.

– Ар-rrrr!!! – дурным голосом взвыл Хамид.

«Ч-чек!» – в салоне одновременно щелкнули шесть детонаторов.

– Ой бля!!! – панически завопил кто-то у меня в башке. – Писец!!!

– Переднее крыло, – невозмутимо повторил Бо, нагибаясь и подхватывая «Ниву» за нижнюю кузовную грань.

Я вцепился в крыло и набрал в грудь побольше воздуха.

– Рр-rrrr!!! – Взревев не хуже Хамида, мы напряглись в чудовищном усилии и опрокинули «Ниву» в пропасть.

– Ложись, – хрипло просипел Бо, плюхаясь на дорогу.

Я рухнул рядом с Попом и зачем-то прикрыл голову руками – как учили.

«Ба-бах!» – мощно рвануло где-то внизу.

– Тормоз, – констатировал Бо, поднимаясь с асфальта и озабоченно щупая натруженную спину. – Долго соображаешь...

...Видите, дорогие мои: вот такие мы славные парни – в прошлом военные до невозможности и все из себя потенциально крутые, готовые в любой момент порадовать вас ратными подвигами.

Один лишь у нас маленький недостаток. Малюсенький такой, при иных обстоятельствах и внимания обращать на него не стоило бы...

Связаны мы по рукам и ногам. Пленены какими-то стремными монахами, внешне совершенно безобидными.

И тащат нас черт-те куда и зачем, не спрашивая на то у нас соизволения...

* * *

... Человек лежал на старой бараньей шкуре, просунув голову сквозь плохо пришитый полог юрты и уткнувшись лицом в землю.

Сырой весенний ветер, мимоходом кусая обильно вспотевший бритый затылок, игриво трепал измочаленный низ полога, обещая собраться с силами и совсем ободрать ненужную хозяину старую тряпку. Если ты с утра наполнил живот арзой⁶ и, невзирая на мартовскую непогоду, ковыряешь носом землю, тебе не нужен не только полог, но и сама юрта!

В общем-то ничего особенного в том, что человек валялся в таком вот непотребном виде, не было: похода нет, соседи притихли, за табунами и отарами приглядывать есть кому... А то, что носом в землю, так ведь, как говорится, хозяин – барин!

Несуразица состояла в том, что человека звали Дондук-Омбо и являлся он великим ханом калмыцким, выше которого, по табели о рангах Российской империи, стояло только лицо, облеченное императорским титулом.

В России и Европе хан имел репутацию умного и образованного человека, турки, крымские татары и непокорные народы Северного Кавказа знали его как удачливого полководца и мудрого военачальника, а каждый житель Дикой Степи при упоминании имени Дондук-Омбо торопливо склонял голову и подносил правую руку к сердцу...

Иными словами, не подобало человеку такого ранга валяться на пороге черной⁷ юрты, подобно последнему подпаску, который на празднике обожрался из жадности дармовой хозяйской арзой. Нехорошо это было, неправильно. И неправильность эту отчетливо чувствовали все, кто в этот момент удостоился чести сопresentствовать...

Стыдливо потупив взгляды, стояли могучие нукеры гвардейского полка, образующие вокруг юрты повелителя запретную зону радиусом в тридцать сажений, входить в которую имели право только баурши⁸ и юртджи⁹. Несколько поодаль мрачно выжидали знатные ной-оны и родственники хана, третий день томившиеся в неведении в своих роскошных шатрах, разбитых на берегу Маныча, как и полагается – на расстоянии полета стрелы от ханского куреня...

И никто из присутствующих не смел приблизиться к повелителю, дабы придать ему положение, более приличествующее его высокому сану.

Желание жить было выше норм приличия. Три дня назад хан распорядился: всем, кто без его соизволения попытается войти в тридцатисаженную охранную зону, независимо от сословной принадлежности и заслуг, – на месте рубить голову. И это тоже было дико и неправильно: над Великой Степью завис холодный март 1741 года, эпоха варварства и кровавых законов вроде бы канула в Лету...

Хан умирал...

⁶ Арза – хмельной напиток из молока.

⁷ Юрта из серого, дешевого войлока – обычное жилище простого кочевника. Знать жила в юртах из белого высококачественного войлока или шатрах.

⁸ Баурши – дворецкий, заведующий хозяйством.

⁹ Юртджи – адъютант, офицер по особым поручениям.

В небольшой ложбинке, расположенной в ста саженях от охранного круга, торчали три кола, на которых заходились в посмертном оскале головы китайского врачевателя и двух известных татарских лекарей, присланных лично астраханским губернатором.

Возле кольев раскладывали свои причиндалы два старых шамана, которых юртджи Басан вчера вечером притащил из какого-то дальнего ущелья.

Шаманы готовились к камланию, опасливо косясь на приткнувшуюся неподалеку кибитку хамбо-ламы¹⁰. В настоящий момент мертвые головы и непредсказуемый нрав хана их беспокоили гораздо меньше, нежели столь неприятное соседство. Надо побыстрее умиловить богов да удирать отсюда: как только хан отойдет в Верхний Мир, первосвященник в суматохе обязательно даст гэлунгам команду схватить шаманов. А как обращаются с адептами старой веры в подвалах центрального дацана, знает каждый степняк...

Хан медленно поднял голову, вяло выдул из ноздрей песок и, мутным взором скользнув по спинам телохранителей, болезненно поморщился.

Несчастные лекари, разумеется, тут ни при чем. Они сделали все, что было в их силах, и даже больше. Но человек не может противостоять воле Судьбы. В жизни каждого – будь то Повелитель Вселенной или простой чабан – наступает час, когда человек внезапно понимает: время его пребывания в этом мире подходит к концу...

Счастлив тот, кто может опередить этот час, ворвавшись на взмыленном коне в самую гущу врагов и геройски сложив голову в кровавой сече. Удел остальных – тягостное ожидание, дни и часы, до краев наполненные отчетливым пониманием того, что ты лишний на этом свете и принадлежишь уже к иному Миру...

Хан был прирожденным воином, большую часть своей жизни посвятил ратному делу и теперь, не имея возможности умереть, как подобает багатуру, жестоко страдал...

В начале прошлой луны приснилась Повелителю Степи каменная спина Сульдэ.¹¹

Сначала хан обрадовался: показалось, что Сульдэ зовет его в новый поход, приказывая встать и следовать за ним. Но бог войны был нем и глух, каких-либо знаков, указующих на благорасположение, не подавал и лик свой грозный явить не пожелал. Он отвернулся от своего земного наместника, ясно дал понять, что более не желает иметь с ним никаких дел.

Вот такой дурной и странный сон...

Проснувшись поутру, хан почувствовал легкую слабость и головокружение. Выгонял лихоманку обычным способом: охотой на волков. Весь день скакал на арабском скакуне, продираясь сквозь тальник и сгиая через балки, а к вечеру почувствовал себя еще хуже. Рвала на части странная боль в груди, не дававшая нормально вздохнуть в первой половине дня и приносившая ужасные страдания к вечеру.

Почти две луны лекари пытались вернуть степному царю прежние бодрость и силу. Измывались как могли: заставили отказаться от мясных и мучных блюд, кормили ухой из щучьих плавников, поили горькими отварами степных трав...

Лечение не помогало: больному становилось все хуже и хуже. Чувствуя, что силы покидают его, хан отдался припадку дикой ярости и самолично обезглавил незадачливых эскулапов.

Двор был в смятении: в Степи давненько уже переняли европейские манеры, предписывающие травить родичей ядами, исподтишка колоть недругов кинжалами профессиональных убийц и лишать головы всех подряд строго в судебном порядке. Не пристало монарху сабелькой размахивать...

¹⁰ Хамбо-лама – глава ламаистской церкви.

¹¹ Сульдэ – бог войны, по преданию – покровитель Чингисхана.

Утолив ярость, хан впал в детство. Дал Басану два поворота клепсидры¹², чтобы добыл в ближайших кочевьях пару бурдюков кислой арзы, изготавливаемой простыми степняками из снятого молока, одежду попроще и... юрту шамана, в которой он, Повелитель Степи, родился. А еще приказал разыскать шамана Агунджаба, который воспитывал его в детстве, и, коли еще жив старый колдун, срочно привезти...

Адъютант справился: спустя малое время юрта стояла, где приказал повелитель.

Агунджаба долго искать не пришлось. Узнав о болезни своего питомца, он сам отправился в путь и вскоре прибыл в Ставку. Хан уединился с шаманом в юрте, и целую ночь они провели вместе: жгли костер, дымили благовониями, стража слышала какие-то заунывные песни и странные крики...

Утром произошло удивительное событие, которое иначе как капризом больного не назовешь. Хан со скандалом выдворил своего воспитателя из юрты и пинками гнал до первой линии стражи, осыпая страшными проклятиями и бия его по костлявой спине плетью.

Старый ведун, плача от неслыханного позора и смертельной обиды, укрывшись в шатре черкешенки¹³ Джан – людям в глаза стыдно было смотреть.

Царица обласкала незаслуженно оскорбленного белобородого старца, просила, чтобы не насылал гнев степных богов на голову выжившего из ума больного, и вместо хана просила у него прощения. Затем, щедро одарив шамана баранами и тканями, собственноручно посадила на самого лучшего верблюда и отправила домой.

А хан тут же забыл о вопиющей несправедливости, допущенной им в отношении близкого человека. Владыка Степи переоделся в грубую конопляную рубаху, накинул бараний телогрей, отнятый у какого-то пастуха, и, велев наполнить черную юрту своим любимым оружием, объявил, что пускается в последний загул, желая предстать перед Сульдэ, как подобает настоящему воину в мирное время: бедным, пьяным до потери способности узнавать родных, но во всеоружии.

– Зачем Господин позорит нас перед лицом всей Степи?! – возопила любимая жена – черкешенка Джан, возглавившая делегацию родственников, пожелавших урезонить хана. – Чем мы прогневали Господина, что он отказался от подобающих его положению привычек и уподобился низкому харачу¹⁴? Мы в страхе думаем: а не сошел ли с ума повелитель? Не одержим ли он злыми духами, что терзают по ночам его бессмертную душу...

– Идите все в заскорузлый зад больного верблюда, – повелел хан, не дослушав горскую красавицу. – А кто придет еще без спроса – велю отрубить башку...

¹² Клепсидра – водяные часы. Видимо, нукеры хана позаимствовали сию вещь в Черноморском походе.

¹³ Черкешенка – кабардинка (*простореч.*). Кабарда издревле славилась как известный поставщик невест для титулованных особ Российской империи.

¹⁴ Харачу – простой человек, бедняк.

Глава 2

Тимофей Христофорович Шепелев был не согласен с пунктуальными европейцами и прагматичными до мозга костей американцами, которые назойливо пытаются всучить всему миру постулат: каждый сам хозяин своего счастья и может подчинить Судьбу своей железной воле. И все невзгоды и происки врагов этому хозяину не помеха, если он крепко держит в руках штурвал своего корабля, ведя его уверенно среди коварных рифов по Реке Жизни.

Разумеется, эти ребята в чем-то правы, если им верит чуть ли не половина нашего шарика. И вообще, идея насчет крепких рук на штурвале Тимофею Христофоровичу вполне импонировала: как и большинству здравомыслящих людей, ему хотелось думать, что он также относится к числу тех самых сильных личностей, что не твари дрожащие, а право имеют.

Но в отличие от этих западных товарищей господин Шепелев, проживший на свете сорок два года, твердо знал: миром правит его величество Случай. Будь ты хоть семи пядей во лбу и весь из себя зацелованный прогрессивным обществом речной волк – искусный борец с подводными рифами, все твои потуги бессильны, если в жизнь твою решил вмешаться Случай.

По долгу службы Тимофею Христофоровичу приходилось серьезно заниматься историей, и в анналах он находил немало подтверждений своим воззрениям. Примеров было – тьма!

Вот наиболее яркие.

Сидит себе греческий товарищ в ванне, жрет потихоньку финики, вдруг как заорет – эврика, блин! И до сих пор ведь все помнят!

А вот: ходит себе по английскому лесу некий Флеминг (не Ян, а Александер и к тому же – микробиолог), ищет травку всякую. Вдруг – бац! Башкой шарахнулся об дерево, тут же рухнул без сознания и в падении себе рожу ободрал о кору – не хуже уссурийского тигра.

А на дереве том некий плесневый грибок рос...

Очухался Александер, побрел домой в печали великой. Башка – хрен с ней, лобная кость крепкая, а вот рожа гнить будет месяца два: климат в Англии – сами знаете. А через два дня смотрит – затянулись царапины, ничего не гниет, заживает на глазах!

Что за чудеса? Побежал Александер к тому дереву, обследовал его, собрал в пробирку грибок... Дальше можно не продолжать: каждый знает, какую революцию в медицине произвело открытие пенициллина.

Или так: один наш гражданин сверхплотно поужинал и лег почитать. И от переедания ему кошмарники всякие сниться стали. Буквы какие-то, цифры и валентность. Очнулся товарищ – ого! Оказывается – система. Периодическая.

Теперь все пользуются. А ну как не переел бы на ночь?

Но это – случаи благоприятные и весьма полезные для общества. А ведь бывают и совсем наоборот! Да еще и такие, что при всей их первоначальной незначительности вызывают лавинообразные процессы, чреватые всякими гадостями крупномасштабного характера.

Вот из жизни.

Шел бандит по улице,
шел издалека – в розыске он был,
с Севера свалил.
Потихоньку поспешал, под плащом обрез держал.
А на людном перекрестке двух ментов он увидал.

Сильно сгорбился, заохал, в подворотне тормознул.
Типа – дедом притворился,
что больной совсем и, типа,
ласты чуть не завернул.
Переждать хотел ментов, соскочить чтоб без понтов!
На свою беду студентик,
сердобольный и активный, проходил.
Видит – вроде деду плохо, подскочил к нему, debil.
Ухватил под локоток, потянул к себе чуток...

А дальше – сплошная проза.

Дед ему – отвали, помощь не нужна.

А студент – активный. Все люди – братья, помогать надо друг другу.

Дед опять: отвали по-доброму, блин!!!

Студент настаивает – помогу, и все тут! Не был он в армии, это там учат, что дурная инициатива – наказуема. Вцепился в деда, поволок.

Дед телодвижения студента истолковал превратно и мгновенно открыл пальбу.

Народу вокруг было – немерено. Результат первых пятнадцати секунд недоразумения: двое «двухсотых», пятеро «трехсотых». Но это только первичный результат...

Мимо проезжал пожилой дядя на панелевозе, испугался зело стрельбы и крови, хватил его сердечный приступ – за рулем. Представляете? Скорость на перекрестке не бог весть, километров двадцать пять – тридцать, но – панелевоз же! Грузенный. А тут красный врубили!

Три спереди стоявших легковухи – всмятку, газетный киоск – долой – и на тротуар. На тротуаре – толпа зевак. Еще пятеро «двухсотых», шестнадцать «трехсотых».

Те менты, что шли себе спокойно по перекрестку, на стрельбу таки отреагировали, метнулись туда – а деда и след простыл: соскочил, пользуясь паникой.

Вот такой плачевный результат.

А самое обидное: как потом выяснилось, на той хате, куда жулик направлялся, часа за три до происшествия организовали засаду. Оперы как раз срисовали адресок и решили отработать. Тихое, безлюдное местечко, засадники – свежие еще, жулик в точке уверен, в побеге третью неделю, вымотан донельзя, еле держится... Наверняка слепили бы без особого труда. Если бы случайно не подвернулся настырный студент...

Тимофей Христофорович к феномену случая относился серьезно – отчасти из-за специфики своей нынешней профессии, отчасти в силу хронического фатализма, всерьез подхваченного на прежнем месте службы. Хотя при первом взгляде на Христофорыча заподозрить его в а-ля печоринских меланхолиях было никак нельзя. Высокий, мясистый, сильный мужчина сорока двух лет, снабженный Природой-матерью добродушным лицом, смеющимися глазами и красивой блестящей плешью без бородавок, а также крупным жизнерадостным носом, запрограммированным на хорошие запахи. И вообще – очень жизнелюбивый и коммуникабельный тип.

Наверно, все-таки профессиональная деятельность повлияла...

Всего год с небольшим назад Тимофей Христофорович работал подполковником на Старой площади и о переменах в своей жизни даже не помышлял. Все у него получалось ни шатко ни валко и как-то само собой взаимоуравновешенно. Должность не шибко высокая, но и не из самых низких. Детей и беременных девчат убивать не приходилось, но кое-какие подлости служебного характера совершал – специфика работы такая. Зарплата смешная по столичным меркам, зато бесплатные командировки по СНГ и отчасти за бугор – и без таможенных деклараций. Можно со знанием дела отовариться и кое-что выгадать на разнице в

ценах. Плюс обширные знакомства с нужными людьми и, как следствие, три торговых места на вещевом рынке под бесплатной «красной» «крышей».

Жена, сын и невестка – в реализаторах (это так продавцы сейчас обзываются). Самому подполковнику стоять за прилавком, сами понимаете, не с руки, а торговля шмотками давно уже стала одной из основных статей семейного дохода. Не бог весть что, конечно, но жить, в принципе, можно.

Так вот, хоть товарищ Шепелев к Случаю с большой буквы относился вполне корректно, но, как законченный реалист социалистической школы, был твердо уверен, что на его персону влияние такового случая не распространяется вовсе. Тимофей Христофорович, обладая хорошо развитым воображением, диссоциированно видел себя таким упорным рабочим муравьем, который медленно и неустанно тащит хвоинки и прочую строительную дрянь к своему лесному муравейнику, потихоньку, слой за слоем, увеличивая его в размерах.

Какие могут произойти с муравьем Случай, если не брать во внимание неурочное падение медведя-шатуна, описывание бродячими бичами, лесной пожар и другие катаклизмы вселенского масштаба, которые равновероятно пагубно действуют на всех муравьев сразу? Да, в общем, никаких. Глупо было бы муравью надеяться, что в один прекрасный день у него вырастут крылья, здоровенный твердый клюв и он начнет порхать над лесом, высматривая себе на ленч огромных по муравьиным меркам стрекоз, бабочек и прочих летучих гигантов.

Подполковник мечтательством пустым не страдал, развитие событий на ближайшие три пятилетки давно спланировал и ничего выдающегося в своей жизни не ждал.

Получить полковника, достроить наконец дачу в Кунцеве, выйти на пенсию и заняться садовым участком. За счет новых доходов с садового участка подкопить денег, купить где-нибудь на окраине двухкомнатную хреновенькую квартирку и отделать сына: молодая семья, третий год живущая с родителями, некоторым образом напрягала.

Затем заняться здоровьем: с этой службой все как-то недосуг, все некогда! Почистить организм по Малахову, сбросить вес, разобраться с остеохондрозом, слегка отрегулировать метаболизм – в последнее время самую малость ноги пованивать стали. А уже потом, в поздоровевшем и обновленном виде, всю жизнь припеваючи, пропадая на даче целыми днями и пописывая мемуары.

Из приключений подполковник запасным пунктом спрогнозировал себе легкий амур. Если вдруг так случится, что подвернется по соседству в Кунцеве умненькая дачница от тридцати до сорока пяти, с хорошей фигурой, без целлюлита, желающая системно общаться в орогенитальной проекции с интеллектуально матерым, надежным мужчиной, – почему бы и нет? Это тебе не командировочный перепих-сеанс, как правило, сопряженный со многими факторами риска. Только чтобы обязательно – замужем и в разумных пределах счастлива в браке. Если без этого – чревато. Будет потом маньячить в кустах да под окнами, попугаев в микроволновке коптить и кошек дохлых супруге подкидывать!

Вот такая программа-минимум. Как видите, взлетов и падений в этой программе не было, приключениями глобального характера даже и не пахло...

Некоторое количество лет назад Тимофей Христофорович был по командировочным делам в Европе и совместно с неким «местным» коллегой попал в небольшую передрагу. По нашим, российским меркам и передраги-то было всего ничего: пили мужики пиво в пабе, сделали замечание за хамское поведение буйной компании соотечественников-туристов кавказского профиля, намекнули: у них, дескать, в таких заведениях не принято подавальщице в декольте марки пихать и под юбку лазить. И вообще – не позорьте страну, ведите себя прилично.

Знаете, наверно, как реагируют крепко подданные товарищи этого самого профиля на подобные замечания. В общем, полиция ехала долго, а события разворачивались не в пример быстрее.

Но наши парни справились. Товарища Шепелева – вы в курсе – Природа-мать статью не обидела, а коллега, организовавший пивную экскурсию гостю, хоть и был на вид вполне невзрачным, в деле показал себя отменным бойцом.

Разбирались на ступеньках летней террасы. Одного толстого хачика, вздумавшего, несмотря на численное превосходство компании, воспользоваться топором с пожарного щита, сноровистый коллега Тимофея Христофоровича исхитрился так швырнуть на эти ступеньки, что тот нездорово шлепнулся на бок, неестественно вывернув левую ногу в бедре, зловеще хрустнув сразу тремя ребрами и издав такой ужасный вопль, будто его прямо сейчас собирались расчленять заживо.

Ну что вам сказать – удрали наши молодцы с места происшествия. Не стали дожидаться официальной оценки своего участия в происшествии. Благо в пабе том коллегу Шепелева никто не знал: бывал он там нечасто и объявлять о себе необходимости не было.

Но это – сугубо административный аспект случившегося. Существует ведь еще и профессиональная этика данного учреждения, в соответствии с которой о любом, даже самом незначительном происшествии, случившемся с ним в зарубежных в неслужебное время, сотрудник обязан докладывать рапортом по команде. А уж о таком инциденте – немедленно, во всех подробностях! Свои, разумеется, никогда не выдадут сотрудника местным властям, но уж сами отреагируют так, что мало не покажется!

А теперь нюанс: шустрый коллега, оказывается, метанием отечественного хачика на ступеньки занимался в служебное время! То есть в момент посещения паба он как раз числился на дежурстве и выезжал с гостевым товарищем якобы по оперативной разработке! Нормально?

– Ты в рапорте – объективно. Постарайся ничего не упустить, – попросил при расставании заметно погрузневший коллега Тимофея Христофоровича. Уже только за одно посещение паба в служебное время ему грозила серьезная выволочка – остальное же тянуло как минимум на высылку, а по большому счету пахло увольнением из органов с «волчьим билетом». – И еще... Если ты укажешь, что это не я тебя таскал на экскурсию, а ты сам предложил зайти в этот паб... буду очень обязан, независимо от результата.

– Я на тех, кто со мной плечом к плечу, в рукопашной схватке... Рапорта не пишу, – сообщил Тимофей Христофорович. – Нас там никто не знает, так что – можешь сэкономить бумагу.

Коллега посмотрел на Шепелева с большим недоверием и слабенькой надеждой.

Это был поступок. Самое большее, что грозило гостю, как второстепенному участнику заварухи, – прерывание командировки и выговор по прибытии. Кроме того, «стук» на коллегу в Учреждении всегда поощрялся и на этом можно было заработать не только прощение за участие, но и хорошие карьерные баллы. А вот за укрывательство и доноительство можно было моментально вылететь из органов – с таким же «волчьим билетом», что и коллега-заводила.

– Шутишь?

– Нисколечко. Я слову хозяин. А с тебя – коньяк...

Вот такой случай. Пивка попили, хачиками побросались – и разъехались. По службе больше не пересекались...

А два годика назад вызывает Тимофея Христофоровича начальник и, грозно округлив глаза, интересуется – чего ты такого наворотил, сокол мой ясный, что тебя в Кремль просят?

Да ничего особенного... приятель у меня там – пивко вместе пили. Шутка, конечно...

Приехал – точно, приятель! Не забыл неуместно рыцарский для Учреждения поступок коллеги, спустя столько лет вспомнил. И без обиняков предложил войти в команду. Давай, мол, ко мне – и без всяких!

В общем-то предложение было не из тех, от которых, как говорится, не принято отказываться, и перспективы в тот момент выглядели весьма расплывчато. Но шустрый коллега еще тогда, в командировке, чем-то неуловимо понравился Шепелеву, расположил к себе, не производя для этого никаких усилий. Почесал затылок Тимофей Христофорович, глянул пристально в глаза бывшего коллеги да и согласился...

В настоящий момент господин Шепелев возглавлял Комиссию по археологии и историографии при Администрации Президента. С характером прежней деятельности данная специализация не была связана никоим образом – работая подполковником на Старой площади, Тимофей Христофорович занимался в основном идеологическими диверсиями и противоборством с оными.

Тут базовое образование роль сыграло.

Что заканчивал?

Фак ист МГУ. Но это уже давно...

Очень приятно! Ничего, что давно. Вот и займись...

Комиссия, возглавляемая товарищем Шепелевым, состояла из его бывших сослуживцев, имеющих хороший стаж оперативной работы и умеющих держать язык за зубами. Они постоянно шарились по музеям, архивам и заказникам, вечно таскали в свой офис груды пожелтевших бумажек, какие-то черепки, деревянные ступы, всевозможные обломки и вообще занимались такой рутинной, что вызывали дружное сочувствие членов других, более солидных комиссий, коллегий и палат.

Но историография и археология являлись прикрытием и одновременно хорошей базой для основного рода деятельности, ради которого, собственно, и была сформирована данная комиссия.

Тимофей Христофорович со товарищи занимались... поисками сокровищ. Со знанием дела, с неограниченным доступом к архивной информации любого рода, имея в наличии соответствующую экипировку и материально-техническое обеспечение, методично и профессионально искали захоронения, клады, схроны, разнообразные старозаветные «нычки» и так далее.

Хозяин и его ближайшее окружение на полном серьезе считали, что не все богатства России лежат на поверхности и глубоко в недрах в виде природно-сырьевых ресурсов. Имелось мнение, что многие поколения старорежимных богачей, сановников и вельмож большую часть своих материальных ценностей хорошенько припрятали, дабы не достались оные ценности неблагодарным потомкам. И ежели основательно поискать, то непременно обнаружатся такие колоссальные ценностные резервы, что долг Парижскому клубу можно будет отдать как обеденные чаевые в «Три-пятнадцать»! И вся страна моментально заживет счастливо и весело, поголовно дефилируя по улицам городов с откормленными красными рожками не хуже евдокимовской. Вот так вот...

Сказать, что комиссия за год активного функционирования нашла какие-то значительные ценности – значит несколько исказить истинное положение дел.

Несмотря на чрезвычайно интенсивную деятельность и хорошую организацию труда, реально удалось добыть всего четыре клада в пределах Садового кольца, общей стоимостью аж в полтора миллиона рублей (наших сегодняшних рублей, а не того времени, когда клады прятали!).

Для рядового гражданина, конечно, деньжата неплохие, но по масштабам государственным – такая смехотворная сумма, что даже и говорить об этом не стоит. Коллеги из соседних офисов, например, в разговорах оперировали исключительно суммами на порядок выше – за время работы в Администрации Шепелев ни разу не слышал, чтобы в столовой в обеденный перерыв кто-нибудь упомянул о каком-то вшивом миллионе в рублях. Расхожей

разговорной единицей были миллиарды и триллионы. Ежели проскальзывал миллион – то непременно в баксах.

Тимофей Христофорович, однако, не унывал, памятуя о том, что: лиха беда – начало, первый блин комом и не сразу Москва строилась. Основным же результатом годового труда комиссии была наработка колоссального информационного массива по специфике производства и обкатка специалистов. Получив доступ во всевозможные архивы и закрытые библиотеки, Шепелев, засучив рукава, сам трудился по двенадцать часов в день и подчиненным не давал продыху.

Теперь сотрудники его комиссии могли с ходу защитить докторскую по некоторым специфическим направлениям историографии или работать консультантами в любом из архивов. В процессе работы с информацией удалось отследить зачатки некой системы в психологии прятальщиков кладов, независимо от эпох и сословной принадлежности, – система эта обещала в скором времени проявиться окончательно и в значительной степени облегчить труд Тимофея Христофоровича и его коллег. Кроме того, в стадии разработки пребывали очень перспективные в плане склонности к сокрытию ценностей исторические фамилии, грозившие в конечном пункте возни с ними дать хороший результат.

В общем, все было очень даже неплохо. Шепелев, привыкший отождествлять себя с рабочим муравьем и скрупулезно планировать свою деятельность, до недавнего времени считал, что дела идут как надо. Результат деятельности комиссии рассчитан на перспективу, сиюминутным и впечатляюще эффектным быть не должен, а проявится лишь со временем. В перспективах новоизбранного поприща Шепелев не сомневался: крепко покопавшись в закрытых анналах, он пришел к выводу, что исторические хапуги разных эпох так много украли и спрятали, что это вообще ни в какие ворота не лезет! Оставалось лишь спокойно и системно со всем этим разобраться и потихоньку отыскать...

Увы, Хозяин мнение Тимофея Христофоровича не разделял. Вернее, разделял, но не по всем пунктам. Насчет «отыскать» – да, безусловно. А вот по поводу «потихоньку» получались существенные расхождения в воззрениях.

– Время не ждет. Летит время, мчится! В затылок дышит, за плечи хватает, – шутил Хозяин. – Сегодня не успел – завтра уже поздно будет...

А чуть погода, в прямом соответствии с фабулой капиталистического способа производства, чуждого духу воспитанного в советскую эпоху товарища Шепелева, шутки закономерно трансформировались в намеки.

Эти проклятые капиталисты, там, на Западе, они же как – они же просто так в дело денежки вкладывать не желают, а хотят непременно видеть результат. И желательно – побыстрее. Потогонщики вредоносные – лишь бы выжать максимум пользы из человека, из механизма, из метода!

А наша советская система, прогрессивная и человечная, выпестовала с десятков поколений товарищей, подобных Тимофею Христофоровичу, базируясь на твердом принципе милитаризованного общества, который в контексте трактовки ротного старшины звучит примерно так:

«...чем бы дитя ни маялось – лишь бы конь не дрючило!»

То есть результат – это дело второе, это уж – как получится. А главное – чтобы коллектив все время был занят, запряжен, загнан в стойло, максимально загружен и работал слаженно и без сбоев.

Так вот, коллектив работал слаженно и без сбоев и наверняка через определенное время начал бы потихоньку выдавать результат – Тимофей Христофорович в этом не сомневался. Но вот намеки, намеки...

Нет, Хозяин видел, что соратник вкалывает не покладая рук, и за рвение хвалил.

Информационный массив, говоришь? Перспективы, наработки? Это да, это прекрасно... А вот всего ли в достатке из материального обеспечения? Все есть? Точно? Может, чего-то не хватает? А методика... может, попробовать как-то интенсифицировать? Не стоит? Точно не стоит? Вы попробуйте – может, все-таки стоит... И люди все – на месте? Может, кого-нибудь поменять, пересмотреть как-то кадровый вопрос – в некоторых случаях это бывает отнюдь не лишним...

Иными словами, на общем фоне положительной оценки деятельности комиссии, между строк так сказать, давали Тимофею Христофоровичу понять: все, конечно, хорошо, дорогой друг, но результатов пока не видно.

И это печально, дорогой друг... Будь ты хоть с ног до головы талантливый организатор и до последней капли крови преданный и верный, толку пока от тебя, товарищ, – ноль. В то время как команда из кожи вон лезет, выдавая на-гора ощутимые результаты и регулярно отчитываясь в реальных цифрах, ты пока у нас баловством маешься...

Тимофеем Христофоровичем между строк читать умел и намеки понимал с полуслова – на прежней работе приучили. И потому в последнее время пребывал в состоянии понятной нервозности и тревожной задумчивости по поводу и без. Он прекрасно знал, как система поступает с товарищами, по каким-либо причинам не оправдавшими надежд.

Те планы, что два года назад казались вполне радужными и оптимистичными, в настоящий момент отставного подполковника уже не устраивали. Повращавшись в сфере сильных мира сего и некоторым образом вкусив от этого вращения мирских благ, Тимофей Христофорович теперь не желал довольствоваться ролью заурядного пенсионера, вкалывающего на садовом участке и лишенного всех привилегий, каковые, несомненно, остались бы при нем, прояви он в свое время необходимую сообразительность и покажи тот самый пресловутый результат...

* * *

...Великий инквизитор всея Руси, граф, сенатор Андрей Иванович Ушаков, по табели о рангах имевший чин генерала и состоявший в должности начальника Имперской канцелярии тайных розыскных дел, читал донос. Сначала мимоходом, мельком, в числе прочей почты, поданной по обычаю на утренний обзор. Затем, ухватив суть, – внимательно, по слогам, останавливаясь после каждого предложения.

Вглядываясь в писанные наспех корявые буквы, Ушаков пытался представить себе лицо Демьяна Пузо, которого видел лишь единожды, когда самолично ставил деликатную задачу, ни до кого другого касательства не имеющую.

Лицо представлялось смутно и расплывчато – какая-то бесформенная маска, без каких-либо отличительных особенностей – и вдобавок поперек себя шире.

Сколько их, таких, прошло через жизнь Великого инквизитора! А запомнилась почему-то борода. Рыжая такая бороденка, препротивная, жиденская, неровно резанная да вдобавок с изъяном от природы: чтой-то справа, у самого уха, совсем не росло и получилась смешная проплешина, придающая всему обличью Пуза какую-то потешность. Глянешь на такого казака, и ни за что в голову не придет мысль, что это – хитрющий лазутчик, озадаченный тайною миссией.

Именно потому и выбрал Андрей Иванович Демьяна из двух десятков претендентов, рекомендованных верными людьми. По обличью выбирал, на приятственность взору. Время показало – не ошибся. Третий годок верой и правдой служит Пузо, пользу принес немалую и напакостил совсем мизер: разве что на пару раз по двадцать плетей заработал, никак не более...

Демьян слал донос из Казачьей заставы (представительства) при ханской ставке. Хороший донос, складный – все в тему и толково. Жаль, писано коряво да по большей части совсем без правил: ну не дьяк Пузо, что тут поделать! Андрей Иванович, вообще говоря, ожидал доклада об обстоятельствах поездки хана к ногаям, подозревая в сих тайных сношениях некий коварный умысел.

А вместо этого получилось вот что:

«...а посередь первейших хановых нукерей подметил десятника Бадму, яко многа пьющева. Това десятника многожды залучал на заставу, и полюбовно питие с ним делал. Ихние арзу и арху, с молока деланья, жреть многа и безо всякова ущербу для живота сваво. Когда же наливал нашей хлебной, не боле полштофа, Бадма делался зело дурен и в речах себя блюсти был не мочен. Што ни спросиш, все сказывает охотно, а про што скажеш – не верю, мол, дак он сразу дратса желает. Опричь того, поутру Бадма совсем ништо не помнил, што вечер был сказамши. А до угощения халявного зело горазд оказался сотник...»

– Хорош фигурант! – одобрительно отметил Андрей Иванович, перечитывая донос во второй раз. – Аки действительный агент людишек высматривает да припасает...

«...и това Бадму десятника впослед за походом во ногаи снова зазвал, да питие с ним снова творил. И Бадма десятник, крепко нашей хлебной пожрамши, вдругоряд себя не помнил, да всю правду сказывал, зачем ездили во ногаи. А кабы не соврал спьяну, многожды потом переспрашивал яво, ну-ка, пусть скажет снова, как там дело было? Това Бадму тяжко поить стало, потому как многа боле стал жрать – ужо привыкши к нашей хлебной. Когда ни спросиш – скажи опять, как было дело, снова желает дратса – зачем не вериш такому другу? Но все сказал, как было, многожды повторив, стало ясно – не брешет. И вот тебе, Господин, това Бадмы сказка про поход во ногаи...»

«Сказка» была совсем не той, что ожидал Андрей Иванович...

Оказывается, поездку к ногаям Дондук-Омбо объявил для отводу глаз. До ногаев не доехали, а направились совсем в другую сторону. Где-то в степи встретили девять крытых повозок, которые вел с кавказской стороны дарга Мамут. Встретили, встали ненадолго, поклажу завьючили, перегрузили на верблюдов и по-военному спешно пошли к слиянию Еруслана с Волгой.

Вот так новости!

Караван получился изрядный – для того чтобы снести всю поклажу с девяти повозок, потребовалось три десятка верблюдов.

Основную часть поклажи составляли хорошо просмоленные трехведерные бочонки с закатанными крышками и десятка полтора кованых сундучков объемом чуть больше ведра.¹⁵

Один такой сундучок довелось кантовать Бадме. Бывалый воин, десятки раз участвовавший в грабежах покоренных городов, десятник сразу понял, что там лежит, тряхнув из любопытства свою ношу. Изнутри сундучок отозвался знакомой сыпью крупных горошин: такой звук издают спешно уложенные драгоценные камни, которые не потрудились поместить аккуратными слоями между мягким войлоком и стружкой!

Бочонки были странно тяжелыми. Багатуры, что на праздничных торжествах с легкостью бросали через грудь да за спину откормленного четырехпудового барана, с превеликими потугами ворочали парой по одному такому бочонку, увязывая вьюки. Не обошлось без оказии: при погрузке на верблюда прочная парусина тюка не выдержала непомерной тяжести груза и разошлась. Бочонок скакнул на камень, крышка отскочила, и... на песок брызнул дождь золотых червонцев!¹⁶

¹⁵ В те времена Россия только-только притиралась к метрической системе – в обиходе объемы мерили привычными единицами: жменями, пригоршнями, кружками, ведрами и бочками.

¹⁶ Червонец – русская золотая монета трехрублевого достоинства. Однако на Руси так было принято называть и иностранные золотые деньги самой высокой пробы, например: дукат, цехин или флорин.

«...и Бадма десятник сказал, что никто смерти лютой предан не был, како и порот никто не был. Мамут дарга огласил, дескать, везем тайной великой Русским Царям ихню казну, ибо есмь сия казна крадена ногами у татарвей крымчаков. За то Цари Русские будут зело любить калмыков и всяко жаловать, но тайну блюсти хотят. А кто где проболтает, отцу, брату, жене – без разбору, тот лютой смерти предан буде со всем семейством...»

На том, увы, откровения десятника и закончились.

До слияния Еруслана с Волгой он не добрался: хан в сопровождении неизменного Назара и до странного малого конвоя (троих личных телохранителей), а также Мамут с десятком преданных челядинцев погнали караван дальше.

Остальные, кто участвовал в погрузке, встали малым лагерем по-над Волгой и ждали сигнала Назарова рога. Мамут объявил, что дальше их должны встретить верные слуги русских царей, которым и будет передана казна. Ну а ежели вдруг случится что, Назар и подаст сигнал: в этом случае оставшийся отряд должен стремглав мчать на помощь.

Однако все обошлось, на следующее утро хан с даргой благополучно прибыли обратно. Мамут еще раз упредил всех присутствующих о суровой каре за разглашение тайны и выдал каждому по три ефимка за верную службу.

«...И понеже печалую не в доклад, а новости для, поелику доклад будет по казачьему реестру в срок. Который казак Андрюшка Кривой питье с нами третьим делил, поутру после того разговору Божьей волей помре. Сказаться никому не поспел, потому как почивал совместно с нами, а пойдя на двор, пал чрез юртину веревку, да и зашиб совсем башку. Хорошили без шуму большова, потому как сам повинен...»

Вот такая сказка получилась. Вопреки ожиданиям – без воровства подлого супротив могущественного сюзерена, зато с какими-то действительно сказочными сокровищами и приключениями.

А в конце доноса, между делом, Пузо сообщил, что двумя днями ранее того часу, что он пишет сии строки, хан опасно занемог...

Говорят, что, ежели через месяц не поправится, – помрет...

Глава 3

...Итак, ваш покорный слуга очнулся от цветного коллапса, случившегося после коварного укола какой-то хитрой дрянью.

Что это за дивное снадобье используют монахи для подобных целей? Я, в принципе, имею понятие о некоторых психотропных веществах определенного спектра – спасибо Профсоюзу, пришлось в свое время ознакомиться для практического применения. По типу воздействия это похоже на известные всем дурман, белену, белладонну или что-либо в том же духе, содержащее атропин и скополамин. Однако эффект «выхода» максимально смягчен: ни тебе характерной тяжести в черепе, ни тошноты с головокружением – очнувшись, чувствуешь себя как после здорового ночного сна накануне приятной поездки на пикничок с шашлыками. Может, в Калмыкии растет какой-нибудь особый гриб либо травка, не указанные в классификаторах? Надо будет поинтересоваться, коль скоро удобный момент представится.

А представится он в том случае, ежели монахи вредоносные нас не укокошат после использования в каких-то своих целях и нам удастся с ними некоторым образом подружиться...

В общем: очнулся, понюхал, послушал...

Путы на конечностях, тряпка на голове, верблюд – очевидно, двугорбый и слегка некормленный, – Бо сопит рядом. Голововерчения после цветного коллапса, как уже упоминалось выше, отчего-то не было, как, впрочем, и тяжести в мышцах.

А еще – вокруг просыпалась степь...

Ноздри мои жадно втягивали просачивающийся сквозь тряпку сложный аромат омытых росой трав, слух ласкала беззаботная переключка каких-то неведомых голосистых птах. Прелесть!

Это хорошо, что мы угодили в передрыгу в начале июня – в это время в степи очень даже недурственно, если не брать в расчет самый разгар гона у скорпионов, фаланг и всяких прочих степногадов. Бо сказал, что уже через месяц травы будут выжжены солнцем, над степью зависнет беспощадный зной, убивающий все живое, а к поселкам вплотную подступят пыльные бури.

Да, кстати, – передрыга! Несколько придя в себя, я решил привести мысли в порядок и на скорую руку принялся анализировать: а что же все-таки послужило причиной нашего теперешнего бедственного положения?

Свадьба – вот отправной пункт. До свадьбы все было более-менее сносно: мы с Бо вели себя прилично, никого не задевали, гуляли себе, как полагается нормальным туристам. А инцидент с монахами приключился именно на свадьбе...

– Будет тебе экзотика – не хуже верблюдов, – пообещал Бо вскоре после приезда. – Прямо на месте, не выезжая из города. Погуляешь на настоящей калмыцкой свадьбе!

Однако, не желая обижать Бо, сообщу вам по секрету: свадьба оказалась суррогатом.

Дядя Бо (младший брат матери) выдавал замуж вполне самостоятельную и современную дочь – преподавателя автодорожного техникума. Жених вообще был нашим с Бо общим коллегой: капитаном внутренних войск, проходившим службу в отдельном батальоне, при-
ткнувшемся где-то на Астраханском выезде.

Никаких шатров, старинных плясок и национальных одежд. Железобетонная столовая швейной фабрики, что на краю города, аппаратура «Sony» с последними хитами MTV, тамада в мини-юбке, с микрофоном и дипломом филолога, гости в европейских костюмах, и никаких тебе намеков на архи (это такая молочная водка – я в книге читал) и целиком зажа-

ренного на костре барашка. Вездесущий «Кристалл» вперемежку с болгарскими винами, ставропольские колбасы, цимлянские рыбные копчености, свадебный торт из Волгограда...

А из всей экзотики, что была представлена, мне запомнилось следующее: красивая песня про степь на калмыцком языке, профессионально исполненная хмурой маленькой мадам в костюме от Валентино, калмыцкая девушка Саглара, волею случая оказавшаяся за столом со мной рядом, и... ну да – и те самые монахи числом семь.

– Внедрение проходит успешно, – возбужденно сообщил я Бо ближе к вечеру, получше познакомившись со своей соседкой по столу и отчетливо почуяв ее женскую приязнь, невольно пробивавшуюся сквозь горделивое обличье. – Дама работает в Биде (этак местные товарищи обзывают администрацию – тамошний Белый дом). Может оказаться очень полезной. Хотя на вид неприступна – как скала.

– Двоюродная сестра жениха, – буркнул Бо и, лениво зевнув, предупредил: – Разведена, на выданье. Ты поосторожнее – женят, пукнуть не успеешь. Или в степь вывезут и оставят. А еще хуже – шпионка окажется. Из Биде же. Тогда весь план п...дой накроется.

– Понял, – по-своему интерпретировал я высказывание боевого брата. – Завидки берут?

– Я тебя предупредил, – благодушно рыгнул Бо. – Так что иди и подумай, бычий фуй. Если что – я рядом...

А свадьба между тем проистекала по обычному сценарию, как две капли воды похожему на сюжет любого масштабного застолья на земле Российской – не углядел я там национальной изюминки, каковой страшал меня Бо. Отличная закуска, нормальное выпиво, люди всякие вперемежку – солидные откормленные товарищи в хороших костюмах и бедные сельские родственники в ярких рубашках начала 80-х, более шумные и непосредственные. Перебивающие общий гул вкупе с музыкой микрофонные вопли тамады, духота, напоенная винными парами, звон бокалов, поздравления, тосты – в общем, все как положено.

Часикам к одиннадцати все уже изрядно набрались, и моя неприступная администраторша несколько поутратила свой чопорный вид: покраснелась, похорошела, в глазках чертенята запрыгали. И... вспотела. Жарко в зале, народу – куча, через каждые десять минут все ударно пляшут под «Беламор» младшенького Иглесиаса, дабы утрамбовать желудок для очередных поступлений. А я тоже от публики не отставал, дав себе слово в последующие три дня выезжать в степь на джипе и бегать до одурения, дабы сохранить форму. И разумеется, как и у каждого здорового мужика, моя пьяная мошонка сладко сжималась от близости двадцатипятилетней степной феи, общение с которой могло закончиться чем угодно.

Улучив наконец момент, когда заводного Иглесиичьего сынулю сменил задумчивый Стинг (видимо, пьяный диджей с диском обмишулился), я резво потащил свою соседку танцевать. С волнением изрядным обнял хрупкий стан, вежливо прижал к себе и принялся усиленно ее... нюхать.

Чего это я, спрашивается? Думаете, ваш покорный слуга обонятельный маньяк? Да нисколько! Это все отвязный хулиган Бо, чтоб ему пусто было.

– Бабы? У-у-у... Бабы у нас страшные, – сообщил Бо, когда я перед поездкой поинтересовался, как у них там насчет «клубнички». – Желтые, узкоглазые, кривоногие, вонючие...

– ???

– Ну, жрут все время бараний жир, потому и воняют им, – без тени усмешки на лице пояснил Бо. – Ну ты ж Профессор, знаешь, наверно: что человек жрет, тем он и воняет.

– Ты тоже все время баранину употребляешь, – напомнил я. – От тебя же не воняет!

– Ну, ты ж меня не трахал, – мудро заметил Бо. – А как засадишь ей, так сразу и воняет. И того... Ну, короче, – п...да у них поперек.

– ???!!!

– Я тебе говорю! Не слыхал раньше, что ли? Они все время на конях ездили, потому – так.

– Бреешь как сивый мерин! – не поверил я в такую невозможную антропологическую вариацию. – Не может такого быть!!! Ну ладно – на коне. А когда пешком?

– А когда пешком ходят – хлопает, – невозмутимо сообщил Бо. – Потому специальные трусы из верблюжьей шерсти шьют. Так что – возьми парочку журналов. Придется тебе там прочить...

Я, конечно, информацию хулигана Бо подверг большущему сомнению и никаких журналов с собой брать не стал. Напротив, после такого несуразного заявления отчего-то загорелся желанием непременно сблизиться с какой-нибудь симпатичной калмычкой и самолично проверить все эти гадские инсинуации. Я хоть и реалист, но мнительный – чрезвычайно. Однако тут мы запросто обойдемся без протекции Бо – на такие дела мы и сами горазды!

А потому, помимо всего прочего, я прихватил с собой кучу кондомов фашистской фирмы «Sico», опасаясь, что на месте таковых может не оказаться...

Ну что вам сказать, дорогие мои? Бо – страшный врун. Толстый, противный, беззащитный враль.

Неожиданно для себя я обнаружил в Элисте множество весьма привлекательных дам, с каждой из которых я бы с удовольствием и надолго уединился в степном шатре либо в каком-нибудь старозаветном алькове.

Чопорная администраторша Саглара мне понравилась с первого предъявления: стройная, спортивная, где положено округлая, белокожая, с большими миндалевидными глазами и ярко очерченными красивыми губами, лишь едва тронутыми помадой. Ух!

Пахла она хорошим парфюмом от «Yves Rocher» – осторожно касаясь носом ее волос, я не заметил никаких посторонних флюидов, хоть как-то подчеркивающих индивидуальность ее природного запаха.

Зато явственно ощутил осторожную податливость дамы, плохо маскирующую тайное желание отбросить все нормы приличия и с разбегу прильнуть к моему могучему организму всеми своими выпуклостями и изгибами! И этот самый могучий организм, по ряду причин не вкушавший женской ласки в течение последней недели, мгновенно ответил на сей тайный зов.

– Жарко здесь, – хрипло пробормотал я, с трепетом прислушиваясь к трению, периодически возникающему между предательской вспученностью в области моего гульфика и жесткой резинкой ее юбки. – Выйдем подышим?

– Пошли, – с каким-то лукавым безразличием произнесла дама, пряча глаза. И опять я прочел в этом безразличии готовность к чему-то большему, нежели просто стремление побыстрее покинуть душный зал.

«Вот оно! – победно констатировало мое либидо. – Начинаем налаживать интернациональную дрюмбу!»

На ярко освещенном крыльце фабричной столовой былолюдно, несмотря на то что тамада пять минут назад загнала всех курак в зал для очередных поздравлений молодым.

Кураки просочились потихоньку обратно: в животах полно, водка никуда не убежит, а поздравлять молодых уже наскучило – на крыльце им интереснее. Там можно по очереди вылезать в центр круга и рассказывать, какой ты весь из себя славный малый и как неправильно с тобой по жизни обошлись все подряд: система, начальство, соседи, друзья, общество, Природа-мать, наконец...

Общались громко, преимущественно на калмыцком, оживленно жестикулируя, ухарски взвизгивая и обильно сдабривая рассказы виртуозным матом – разумеется, на языке большого брата.

Презрительно глянув на витийствующих земляков, Саглара сморщила носик, дернула плечиком и в некоторой растерянности осмотрелась: для интеллигентной дамы, да еще и из Биде, дышать воздухом в такой суровой обстановке было вроде как неприлично.

– Гхм, – симитировал было я движение плечом в сторону толпы, всем своим видом выражая немедленное желание поправить матерщинников, дабы не смели выражаться в присутствии прекрасной дамы. – А ну-ка...

– Куда ты! – зашипела Саглара, хватая меня под руку и быстренько стаскивая с крыльца. – Они же пьяные все!

– Ну и что? – Молодецки расправив плечи, я тем не менее не препятствовал своей спутнице тащить меня по аллее куда-то в обход здания столовой. – Ваш верный рыцарь, королева красоты, готов вступить в бой с целым полком негодяев, дабы уберечь ваши прекрасные ушки от грубых слов невоспитанных мужланов.

– Рыцарь... – смущенно потупилась Саглара, заворачивая за угол. – Этим деревенским только повод дай! Сказано же – пьяный калмык хуже танка!

А за углом – глухомань. Торцевая стена столовой без окон, слегка вибрирующая от «низов», выдаваемых мощными колонками, мертвые фонари вдоль аллеи, торчащие из давно не стриженных шпалер декоративного кустарника. И – луна, похотливо подмигивающая потухшим давным-давно кратером.

В призрачном лунном свете губы Саглары почему-то серебристо блеснули и жили на затененном лице как бы отдельной жизнью.

– Волосы твои – золотые колосья пшеницы... – вкрадчиво сообщил я, осторожно привлекая девушку к себе и невесомо целуя ее макушку. Плечи ее слегка напряглись, но сопротивления не последовало – она как будто затаилась, выжидая, что же будет дальше. – Руки твои – виноградная лоза. – Аккуратно распрямив руку Саглары, тронул губами нежную ямочку локтевого сгиба, отчетливо источавшую французский аромат. Все правильно, они всегда тут мажут. – Ушки твои – хрустальный сосуд для прелестных слов... – Я ухватил губами мочку ее левого уха, слегка прикусил ее и, крепче прижав к себе даму, неуловимым движением расстегнул верхнюю пуговку ее блузки.

– Ах! – выдохнула Саглара, невольно вздрагивая и передергивая плечами. – Щекотно...

– Шея твоя прекрасна, как у лебедушки. – Я расстегнул вторую пуговку и поочередно поцеловал ямочки над ключицами. Дева робко взяла мою голову в ладони и в нерешительности застыла. – Грудь твоя – пышный бутон белой розы... – Расстегнув последнюю пуговку, я сноровисто запустил ручонку под лифчик, высвободил небольшую упругую грудь и, ухватив губами сосок, прошелся по нему кончиком своего языка.

– Ой-й-й! – тихонько вскрикнула Саглара, сцепив ладошки на моем затылке. – Щекотно!

Сосок пребывал в тонусе – вел себя не хуже, чем часовой на первом посту, у боевого знамени части.

«Контроль, – подсказало мое либидо. – Одновременный массаж двух превалирующих эрогенных зон».

– Бедрa твои – волшебные сосуды райского наслаждения... – Высвободив второй сосок, я запустил шаловливые ручонки деве под юбку и принялся вовсю наминать аккуратную попку, одновременно производя губами манипуляции с ее твердыми сосками – не хуже сразу двух беби-сосунков, которых вдруг обуял лютый голод.

– Ох-х-хх!!! – задохнулась дева, как будто ненароком опуская руку и прикасаясь к моему гульфику. – О-о-о!

«Оп-па!!! – заорало мое либидо. – Пора приступать к сельхозработам! То есть – засаживать корень в лунку и бросать семя в благодатную почву».

– Пора, – согласился я, легко подхватывая деву на руки и с бульдозерной мощью проламываясь сквозь декоративный кустарник к скудно освещенному луной подобию лужайки вокруг монументального тополя.

– Не торопись, – прошептала Саглара, обвивая руками мою шею. – У нас вся ночь впереди...

– Ага, – хрипло пробормотал я, опуская деву у тополя, лихорадочно расстегивая свои брюки и приспуская трусы. – Я не подведу – ты не волнуйся. Будет тебе ночь...

– Ты торопишься! – заволновалась Саглара, когда я подхватил ее под коленки и, высоко вскинув, припечатал спиной к тополиному стволу. – Ай!

– Р-р-р! – сказал я, ощущая, как мой твердокаменный фрагмент организма, метко угодив куда следует, застрял в преддверии райских врат, натянув прочную ткань шелковых трусиков. – Р-р! Р-р!

– Ты все испортишь! – огорченно прошептала Саглара. – Отпусти!

– Ур-р! – не согласился я, методом тыка пытаюсь нащупать обходные пути. Вот незадача-то! Дело в том, что моя постоянная подружка, желая побаловать меня эротикой, облачается в такие трусики, которые совершенно не мешают процессу: чуть сдвинул в сторонку – и привет. Вот я и попался – привык, что поделаться! – Щас, щас, – жарко пробормотал я, ставя свою драгоценную ношу на землю и богатырским движением разрывая ее трусики на две части. Это мой коронный номер – люблю, знаете ли, пару-тройку трусьев рвануть на досуге. Бодрит, знаете ли...

– Ай! – вскрикнула от неожиданности Саглара. – Ты что – совсем?!

– Ага, – кивнул я и, подвывая от переполняющего меня желания, опять подхватил даму под коленки, припечатал спиной к тополи и, навалившись на ее лоно, на секунду замер, ощутив, что мой фрагмент организма, налившийся необычайной силою, опять угодил в преддверие – на этот раз ничем не защищенное – и напрягся подобно тетиве лука, желающей как можно скорее спустить стрелу.

Врун Бо, ай врун! Все там было в порядке, никаких антропологических изысков. Все там было просто восхитительно!

– А где твой презерватив? – явно пересиливая себя, хрипло поинтересовалась Саглара, воспользовавшись этой томительной паузой перед стремительным натиском. – Ты что – про СПИД не слыхал?

Ой-е-е! Вот так незадача! В курсе я насчет СПИДа. И презервативов кучу прихватил именно потому, что наслышан про этот самый пресловутый калмыцкий СПИД, который в свое время всколыхнул всю страну. Но кондомы свои на данное мероприятие не взял: как-то не подумал, что могут пригодиться. Бо, вредный обманщик, обещал экзотическое национальное блюдо с кучей ритуалов. Ну кто же мог предположить, что этак вот все обернется?!

– Отпусти, – потребовала Саглара, напрягая ноги. – Отпусти же!

Я отпустил – поставил ее на землю. Фрагмент организма тихонько утратил свою твердокаменность и удрученно повесил нос. Распаленное либидо мое куда-то спряталось, окаменное, словно ушатом ледяной воды, тревожной мыслью: а ведь минимальный контакт был! Сладкое соприкосновение с преддверием райских врат, суливших неземное блаженство... И что теперь?!

– Трусикашка зайка серенький, – усмешливо прошептала Саглара, одергивая юбку и выскальзывая из моих объятий. – Испугался, значит, СПИДа? Ай-я-яй! Рыцарь... Ладно. Это была шутка. Я тут рядом живу – пойду переоденусь, приму душ и вернусь. Ты иди, я быстро.

– Я подожду здесь, – потерянно пробормотал я, отчасти просто не желая двигаться с места, отчасти памятуя о том, что возвращение без дамы, с которой вышел подышать, может быть воспринято некоторыми не совсем пьяными соседями по столу неоднозначно. – Иди, я подышу...

Проводив взглядом растворившуюся в молочном лунном мраке фигурку, я привалился спиной к тополиному стволу, застегнул брюки и сполз задницей на землю – неохота было вставать и куда-то идти.

«Нет-нет, – успокаивал я себя. – Не может быть! Не может быть, чтобы такая красавица, такая интеллигентная, пышущая здоровьем дама... Нет-нет, лучше об этом не думать!»

«Ой, чмо-о-о!!! – обиженно крикнуло откуда-то из недр простаты ущемленное либидо. – Ой, урод! Вот это ты опарафинился!»

– Мудак ты, Эммануил, – ненавидяще проворчал я, жалея, что не могу от души заехать себе в дыню и пару раз крепко пнуть ногами в живот. – Что же вы так, сударь мой, – с гондонами-то? Ой, какой же мудак...

В общем: горько, досадно и тревожно. Всех обманул: купил кучу резины и оставил в чемодане. Хоть бы один с собой прихватил – как говорится, для блезиру! И обидеться не на кого: сам во всем виноват. А ежели принимать во внимание тревожные угрызения по поводу СПИДа, то вообще – хоть становись на четвереньки и в унисон доносящимся из степи звукам выть начинай...

Кстати, два слова о звуках. Вечер, надо вам сказать, был удивительно теплым и ласковым: хоть ложись прямо под тополем и ночуй. Торцевая стена по-прежнему вибрировала низами, но здесь, на заднем дворе, отчетливо прослеживались подчеркнутые прорывающейся сквозь бетон музыкой тишина и уединенность. Сверчки трещали в кустах, где-то рядом тихо ехала машина, откуда-то из степи доносился хищный крик какой-то большой птицы, возвещавшей о начале ночной охоты. И от этого крика, очень гармонично наложенного на мертвенно-бледный свет луны, на душе поневоле становилось как-то жутковато. Где-то рядом жила по своим законам дикая степь, со своими хищниками и тайнами, которые могли оказаться для постороннего смертельно опасными...

«В степь вывезут и оставят» – так сказал Бо.

Это не просто слова. У калмыков издревле и по сей день существует наказание, с их точки зрения, чрезвычайно жестокое и мало чем отличающееся от тривиального убийства. Сильно провинившегося в чем-то человека после полудня вывозят далеко в степь, отбирают все, до последней нитки, и просто оставляют одного. На ночь. Живи, гад, мы не станем тебя убивать!

Вам, горожанам в седьмом поколении, это может показаться вполне даже гуманным, не правда ли? Может быть, может быть. Однако народная статистика утверждает, что из ста наказанных таким вот образом назад возвращаются три с половиной человека. Это, конечно, больше, чем один процент, и внушает некоторую надежду. Но, согласитесь, отбросив всякие условности, можно просто сказать, что такой способ наказания – обычная смертная казнь. Из числа повешенных в давние времена по приговору официального суда тоже ведь кто-то выживал: то ли веревки дрянные были – рвались в самый неподходящий момент, то ли внезапная амнистия по случаю именин наследника престола...

Да, где-то в степи кричала птица, кто-то там таял и выл непонятными голосами, нагоняя жути. И ввиду этого опасного в своей неизведанности соседства здесь, под тополем, да за двухметровым забором, было как-то по особенному уютно. Приходите, волкодлаки, я вас чаем угошу! Ешьте того, кого после полудня вывезли в степь и оставили. А до меня вам не добраться. Я – в безопасности...

– Все нормально, – окончательно подпав под очарование южной ночи, резюмировал я. – Не может такая дама – и со СПИДом. Хоть режьте меня, не может такого быть! Пошутила – сама сказала. Я бы это дело сразу рассмотрел. А что не вышло с первого раза, тоже вполне решаемый вопрос. Правильно она сказала: у нас впереди вся ночь. И плюс вся предстоящая неделя как минимум. Вот сейчас вернется, посидим еще пару часиков, а потом...

На этом текущее планирование закончилось: на аллее откуда-то возникли лишние.

Между нами – я отнюдь не дурак насчет своевременного обнаружить подкрадывающегося противника. Если бы в известный период своей жизнедеятельности не обладал этим качеством, вряд ли сейчас имел бы удовольствие с вами общаться. Но этих, к стыду своему, – упустил.

Это были семеро буддистских монахов: гладко лысые, как страусовы яйца, в накидках через плечо, а один вообще – с посохом. Собственно, они и не крались: просто я ожидал появления Саглары со стороны парадного крыльца и сосредоточил внимание именно в этом направлении. А в принципе, совсем ничего такого не сосредоточивал – расслабился, слегка пьян был и отнюдь не расположен к военным действиям.

Лысые же, судя по всему, просочились откуда-то с черного хода и тихонько подошли сзади. И угадайте с трех раз, кто с ними был? Правильно – возьмите с полки булку с маком!

Мой боевой брат – Бо.

Эта живописная группа, хорошо подсвеченная луной, остановилась на аллее неподалеку от места моего восседания, и один из монахов, по моему разумению, их предводитель (это у него посох был, вот я и решил: у кого дрын, тот и главный!), принялся негромко разговаривать с Бо.

Заметив Бо, я хотел было сообщить о своем присутствии, но вовремя сообразил, что это будет не совсем корректно, а для меня где-то даже и неловко. Зачем мужик уединился на заднем дворе и сидит задницей на земле, будучи в хорошем костюме? Прячется, шпионит или еще каким непотребством развлекается? Нет уж, посижу немножко еще – меня под топодем с их места стояния не видать. К тому же интерес разбирает. Откуда монахи? Почему – Бо?

Собственно, против монахов я ничего не имел. Днем раньше, проезжая по Элисте, я видел из окошка джипа троих: в красно-кирпичных шерстяных накидках, с бритыми наголо черепами. Я живо заинтересовался этим явлением и попросил Бо организовать мне встречу с данными товарищами, пусть даже за деньги. Они наверняка обучались где-то в горах Тибета – доморощенному почитателю даосов и прочей восточной экзотики есть о чем потолковать с такими людьми.

– Обязательно, – ответил Бо в своей обычной манере. – Они тебя наголо обреют, разденут, накинут одеяло это свое оранжевое. И попрете вы пешочком по степи – до самого Тибета. А скорпионы будут вас в жопу жалить. За...бись!

Так что монахи – это для Элисты норма. Но! С самого начала на свадьбе их не было. Они пришли только что. Для отправления каких-либо ритуалов религиозного характера – поздновато. Все гости пьяны, кроме непотребного богохульства, ничего из этого не получится. Раньше надо было!

Теперь: почему – Бо? Он просто гость. Если нужно решить вопросы, допустим, о проведении каких-либо ритуалов в течение завтрашнего дня, договариваться нужно с родителями молодых или как минимум с тамадой. И уж конечно – не на заднем дворе, где нет ни одного фонаря и даже не на что сесть!

Донельзя заинтригованный, я с крайней осторожностью подсеменял гусиным шагом к линии декоративного кустарника, выбрал место, удобное для наблюдения, и прислушался.

Ну и ничего хорошего из этого не вышло. Товарищи в накидках общались с Бо на его родном языке, на котором я мог успешно поздороваться, спросить, как дела, и обозвать кого-нибудь свиньей. Точнее сказать, общался дядька, особо помеченный наличием дрына, а остальные стояли полукругом и почтительно сохраняли молчание. Черепа монахов таинственно отсверкивали в морговском свете луны, говор их старшины завораживающе журчал, как родник в горах Тибета, низкими горловыми переливами булькая на немногочисленных гласных.

В общем, ни слова я не понял, но по интонации было ясно, что старшина монахов настойчиво склоняет Бо к чему-то такому, что для моего боевого брата было совсем неприемлемо.

Бо неуверенно возражал, сердился и одновременно был каким-то сконфуженным – в таком состоянии я этого медведя еще ни разу в жизни не видел! То ли он и сам слегка подзабыл родную речь (поскольку давно живет среди русских), то ли не вполне поспевал за мыслью собеседника, язык которого имел некоторые расхождения с калмыцким: Бо, по-детски склонив голову набок, внимательно вслушивался в гортанный клекот бритого служителя культа и периодически смущенно разводил руками: нет, вы, конечно, правы, хлопцы, но извиняйте – не согласный я, и все тут!

– Надо же – божьи люди, а такие настырные, – укоризненно прошептал я, аккуратно сдвывая назад. Пора возвращаться – торчать тут далее нет смысла. Все равно ничего не понимаю, да и моя несостоявшаяся любушка вот-вот подойти должна.

В этот момент Бо вдруг глухо замычал, как-то заторможенно принялся тереть лицо ладонями и стал медленно оседать: двое монахов незамедлительно подхватили его под руки.

Ни секунды не раздумывая, я обожравшейся кошкой махнул через декоративный кустарник и метнулся к месту событий.

– Что?! – рявкнул я, пытаясь отстранить добровольных помощников. – Сердце?!

Помощники отстраняться не желали: они крепко держали Бо под руки и, как мне показалось, собирались его куда-то тащить.

– Твой друг выпил много вина, – с сильным акцентом сообщил мне главный лысый. – Ему нехорошо. Мы ему поможем.

– Мой друг предпочитает водку, – буркнул я, грубо отталкивая помощников – вот ведь настырные попались! – И помощь ваша не нужна – со своим другом я разберусь сам. Отвалите, я сказал!

– Про... уходим... отсюда, – невнятно пробормотал Бо, заметив наконец мое присутствие. – Они... Быстро!

– Ему плохо, – ласково повторил старшина монахов.

И этак по-дружески хлопнул меня по плечу.

– Ай! – Почувствовав легкий укол, я дернулся назад. Не ожидал такого низкого коварства, не готов оказался! Ну кто бы мог подумать: семеро против одного, расклад по всем статьям в их пользу...

– Иди. Мы ему поможем. Он сам не понял, что сказал! – каким-то тягучим голосом сказал лысый с посохом, начиная вдруг медленно расплываться в лице.

– Н-на! – чуть запоздало отреагировал я, качнувшись вперед и мощно бия кулаком в голову главного мерзавца.

«Бац!» – а попало кому-то другому!

Голова обладателя посоха куда-то пропала, на ее месте оказались две другие: товарищи рангом ниже с непостижимой ловкостью заслонили своего предводителя, встревая между мной и им, хотя это стоило одному из них как минимум перелома челюсти – по моей поверхностной оценке. Краем глаза я отметил, что остальные монахи грамотно распределились за моей спиной, образовав полукруг.

– Ар-р-р!!! – взревел я, мощно лягнув левой ногой назад, и, вырываясь из круга, с разворота рубанул ребром ладони, целя наудачу в первое попавшееся горло.

«Хрусть!» – чья-то грудная клетка промялась под моей подошвой, вместо горла в зону действия ребра ладони попал подбородок – но тоже вышло неплохо, с качественным таким чмоком и последующим болезненным вскриком.

– О-о! – А дальше получилась уж вообще полнейшая дичь. Монахи куда-то поплыли, стремительно раздуваясь вширь и покрываясь радужной пленкой наподобие бензина на

воде, аллея заструилась ввысь, извиваясь, как американские горки, голос мой превратился в низкий протяжный бас...

А потом все смешалось в разноцветную карусель, образуя передо мной какой-то трубчатый туннель с калейдоскопически оформленными стенами, в который я радостно нырнул, забыв про Бо и вообще про все земные дела...

* * *

...Приподнявшись на локтях, хан всмотрелся в источавшие печаль понурые спины своих верных телохранителей. За спинами расплывающимися контурами маячили высокие шапки знатных родственников, подвергшихся унижительной процедуре отлучения от Повелителя в последние часы его пребывания в Нижнем Мире.

Вспомнилась вдруг каменная спина Сульдэ, явившаяся во сне в начале прошлой луны...

Вот так откровения духовного порядка, ниспосланные свыше, неожиданно находят свое воплощение в привычных нам земных явлениях. Самые сильные и преданные воины отвернулись от него, презрительно демонстрируя свою спину. А самые близкие по крови люди не подойдут к своему царственному родичу и не окажут ему помощи или простых знаков внимания, на которые может рассчитывать любой больной харачу, умирающий в своем забытом богами кочевье. И пусть это происходит по его воле, но тем не менее... Тем не менее, если посмотреть на все это взглядом стороннего наблюдателя, впечатление может сложиться самое удручающее...

– Пусть все ваши бараны превратятся в волков, – хриплым шепотом пожелал хан, с трудом поворачиваясь и отползая в глубь юрты. Привалившись к своему боевому седлу, он натужно просморкался, откашлялся, преодолевая тупую ноющую боль в груди, и, уловив освободившимися ноздрями знакомый аромат, тихо скомандовал: – Заходи!

Осторожно откинув полог, в юрту протиснулся баурши Долан. В руках старого царедворца была деревянная чаша с перебродившим кумысом, настоящим на цветущей полыни прошлого лета.

– Повелитель желает освежиться, – ненавязчиво, но твердо произнес баурши, становясь на колени, и, согнувшись в низком поклоне, протянул чашу хану.

– Кто готовил? – Хан взял лекарство, невольно передернув плечами, поморщился, предвкушая во рту вяжущий, невыносимо терпкий привкус.

– Манжик¹⁷ Го. – Баурши склонил голову еще ниже, вопреки законам природы кончики его ушей начали бледнеть.

– Манжик... – пробурчал хан, задумчиво глядя на бритый затылок баурши. Экое безобразие! Вчера китайский лекарь в очередной раз посмел настаивать, чтобы Повелитель Степи принял с утра это невозможное пойло, от которого сводит скулы и просится наружу содержимое желудка.

За дерзость лекарь поплатился головой, а его татарские собратья по цеху, стоически продолжавшие утверждать, что хан должен принимать лекарство и прекратить пить арзу, разделили участь несчастного эскулапа. А сегодня с утра ученик китайца как ни в чем не бывало снова готовит лекарство, намереваясь всучить его Повелителю. И ведь прекрасно знает, гаденыш, что может повторить судьбу своего учителя!

Какие странные, негнибаемые люди: ради соблюдения своих принципов готовы жертвовать даже жизнью...

– Повелитель желает... – осмелился напомнить баурши.

¹⁷ Манжик – ученик священнослужителя либо врачевателя.

– Знаю, знаю. – Хан закрыл глаза, поднатужился и тремя долгими глотками осушил чашу. Изможденное чело степного царя скорчилось в страшной гримасе, на несколько мгновений перехватило дыхание, желудок вспучило, перед глазами поплыли красные круги... – Ох-х-х! – осторожно выдохнул хан, приходя в себя. В голове заметно посвежело, вернулась былая ясность взора, застывшие пальцы ног стали наливаться теплом. Боль, рвущая грудь на части, на какое-то время притихла, затаилась где-то в глубине.

– Повелитель желает вернуться в шатер, – уловив перемену в самочувствии хозяина, вкрадчиво произнес баурши. – Повелитель устал...

– Не желает твой Повелитель ничего, – процедил хан, злобно прищурившись на видимые через входной проем высокие шапки, маячившие за цепью охраны.

Повелитель желает! Родичи наверняка обещали баурши золотые горы, буде вдруг ему удастся склонить хана вернуться. Ждут, волки алчные, ждут не дождутся последних распоряжений. Не воли его по передаче престолонаследия – вовсе нет. Плевать им на его волю. В Степи давно уже повелось: кого захотят русские цари, тот и будет править...

Родичи ждут, когда хан придет в себя и примется за дележ своих сокровищ, добытых в военных походах. Как водится, каждый харачу доподлинно знает, что приволок Повелитель из тех походов сказочные богатства, на которые купить можно весь Нижний Мир. Как водится, никто не может даже с приблизительной точностью сказать, от кого он об этих сокровищах услышал. Ну и, разумеется, самих богатств никто в глаза не видел...

Ждут родичи. Трясутся в неведении: как поступит хан? Поделит на всех, как принято по калмыцким обычаям, или же оставит все одному, в соответствии с русским порядком? Коли на всех – понятно, никому не обидно. А ежели одному – то кому? А то вообще может поделиться с русскими царями, во искупление своего перемета¹⁸, что случился перед турецким походом... Вот ведь морока-то!

– Цх-ххх! – глядя в проем, криво ухмыльнулся хан. Не будет никакого дележа, равно как и сказочного подарка кому-то одному. И в императорском дворе сейчас делиться не с кем. Нет царя. И будет ли – непонятно... Так что алчных родичей ожидает большущий сюрприз...

Вспомнив про сюрприз, Повелитель Степи нахмурился и сник. Да, сюрприз – последнее дело в этой жизни. Единственное, что его удерживает в Нижнем Мире. Если бы не это, давно бы уже отправился Наверх, чтобы не терпеть это ужасное состояние, выматывающее душу и иссушающее тело. Машинально погладил висящий на груди медальон европейской работы: искусно выделанный золотой кречет, державший в когтях ворона, внутри был полым и вмещал огромную дозу не ведомого никому в Степи яда. Достаточно нажать пальцами с обеих сторон птице на глаза, чтобы из клюва выкатилась прозрачная горошинка без вкуса и запаха.

Содержимого кречета хватило бы, чтобы убить целый табун лошадей. В свое время Повелитель Степи опробовал европейскую диковинку и был чрезвычайно доволен ее действием: раб, выпивший чашу, в которую хан вытряхнул одну горошинку, умер быстро и безболезненно. Выражение его лица при этом было таким, словно человек только что скушал баранью ляжку и прилег отдохнуть: ни капли тревоги и боли, а лишь полная безмятежность и довольствие. Хороший яд, молодцы европейские лекари...

– Что там? – негромко поинтересовался хан, вяло ткнув перстом в сторону входного проема.

– С утра был свет¹⁹ от Кетченер, – доложил баурши. – Назар едет. Везет.

¹⁸ В 1732 году Дондук-Омбо в сопровождении 11000 кибиток перекочевал на Кубань и дал присягу на верность Турецкой Порте. У турок ему пришлось несладко – спустя три года попросился обратно. Россия приняла блудного сына без всяких условий и даже способствовала его становлению на престол – нужен был сильный союзник в Турецкой кампании.

¹⁹ Для передачи сообщений и команд на большие расстояния в калмыцком войске использовали отполированные до зеркального блеска медные щиты. Посредством специально оборудованных застав и постов заранее оговоренные сигналы

– Плохо. – Лицо хана посетило слабое подобие досадливой гримасы. – Назар на подъезде, а Мамута нет. Опаздывает дарга.²⁰

– Здесь дарга. – Баурши торопливо коснулся лбом края драной шкуры. – Джура трижды повернул хитрую бутылку с тех пор, как он приехал.

– Желтоухие собаки! Почему такой человек... – Хан гневно нахмурил брови и, забывшись, вволю глотнул воздуха, дабы сурово выговорить своему рабу за опоздание новостей на целых три часа... Грудь мгновенно ответила резким болезненным толчком изнутри, что-то там встрепенулось, заворочалось и мягкими щупальцами сдавило сердце. – Ох-х-хх... Почему... так долго...

– Повелитель был занят важными государственными делами, – не поднимая лба от шкуры, вкрадчиво напомнил баурши. – Дарга смиренно ждал, когда Повелитель пожелает обратить к нему свой милостивый взор.

– Занят... – осторожно прошептал хан, дождавшись, когда щупальца в груди слегка ослабят свою хватку. – Да, был занят... Пьянствовал и дрых... Давай.

Баурши резво отполз на коленях к выходу, разогнулся и, высунувшись наружу, выдул мелодичную трель свистком, болтавшимся у него на шее на золотой цепочке. Спустя несколько мгновений явился дарга Мамут: насквозь пропыленный, серый от усталости, с запекшимся песком на губах. Видимо, все это время торчал где-то рядом, ожидая волеизъявления хана, не посмел отлучиться даже на несколько минут, чтобы привести себя в порядок с дороги.

– Садись, говори. – Опустив обычное приветствие путнику, хан кивнул на шкуру перед собой. – Как там?

– Все исполнено, как приказал Повелитель, – коснувшись лбом края шкуры, доложил дарга.

– Хорошо. – Хан перевел взгляд с затылка Мамута на его широкие плечи и сурово нахмурился. Дарга уезжал с особым поручением, имея под началом десятков надежных нукеров и малый караван. А вернулся один: как и было приказано... – Что случилось с твоими людьми?

Мамут поднял голову, с недоумением уставившись на хозяина. Хан едва заметно повел глазами: дарга покосился на смиренно потупившегося у входа баурши, кивнул – понял.

– Проклятые ногайские шакалы напали на нас, Повелитель. – Мамут опять ткнулся лбом в шкуру. – Их было около сотни, и не многие из них вернулись к своим женщинам. Мои воины дрались как львы, они сражались до тех пор, пока ногаи не показали спины. Но... мои воины теперь все в Верхнем Мире, Повелитель.

– Жаль, – смежив веки, произнес хан, наливая в свою чашу арзы и незаметно пуская в мутно-белую кипень горошинку из клюва золотого кречета. – Освежись с дороги, утоли горечь утраты.

– Они были настоящими багатурами. – Голос Мамута дрогнул: приняв обкусанную по краям чашу, он несколько мгновений благоговейно подержал ее перед собой и, осушив в один прием, как бы пожаловался хану: – Жены их будут безутешны.

– Хоп, – равнодушно кивнул хан.

В отличие от дарги его совершенно не волновала судьба какого-то десятка нукеров – пусть это были даже самые верные и преданные ему люди. И не близость Вечности была тому причиной. Просто Повелитель Степи привык одним мановением перста посылать на смерть сотни и тысячи воинов, не задумываясь об их судьбах. Что воины? Расходный мате-

в степи проходили с фантастической быстротой: своеобразный средневековый телеграф.

²⁰ Дарга – ханский управделами, он же судебный исполнитель – приближенное к хану лицо, наделенное самыми широкими полномочиями.

риал в деле великих завоеваний и Большой Политики, средство достижения цели. Степные женщины любвеобильны и плодовиты, нарожают новых багатуров... А сейчас хана занимал сам дарга: мутный взор степного владыки не отпускал большие, сильные руки Мамута, бережно державшие чашу.

– Никто не знает? – выждав небольшую паузу, уточнил хан.

– Никто. Совсем-совсем никто! Только Повелитель – и я... – Мамут, внезапно выпадая из протокола, вольготно швырнул аяк в угол, беззаботно рассмеялся и, уронив голову на грудь, мягко завалился на бок.

– Вай-яй! – невольно воскликнул баурши, по-бабьи всплеснув руками. – Повелитель?!

– Наш верный слуга не вынес тягот пути. – Хан, кряхтя, потянулся, прикрыл пальцами безмятежные очи Мамута. Отличная смерть! Хорошо жил человек – хорошо умер. Не в бою, конечно, но тоже неплохо – о такой смерти можно только мечтать... – Думаю, печаль о погибших багатурах съела его сердце.

– Да, Повелитель! – Баурши повалился у входа, ткнулся лбом в драный войлок. Кончики ушей его опять начали бледнеть. Какой опасный момент! Он, например, тоже знает много чего такого, что хозяин желал бы навсегда унести с собой в могилу. И рад бы не знать, да приходится – положение обязывает. – Это была тяжелая утрата, Повелитель. Лучшие воины...

– Распорядись. – Хан, не желая выслушивать славословия, досадливо поморщился. – Пусть похоронят по разряду военачальника. Он был славным багатуром. И пусть все будет тихо: мне отдохнуть надо. Боюсь, не дождусь...

Глава 4

...Работая в Администрации, Тимофей Христофорович на курорты не катался. Не то чтобы не мог себе позволить – напротив, положение вполне располагало. Просто в Администрации крепко и длительно отдыхать было не принято. Имелось негласное мнение, что здоровому, полному сил мужчине, вкалывающему по двенадцать часов в сутки и страдающему от хронического недосыпа, вполне достаточно одного дня в конце недели, чтобы полноценно восстановиться и подготовиться к следующей трудовой вахте. Имелось негласное мнение, что каждый сотрудник Администрации должен непременно быть конченным трудоголиком и хорошим спортсменом. Предполагалось, что свой единственный выходной сотрудник должен начинать с шестикилометрового марш-броска по пересеченной местности (ежели зимой – то на лыжах и дистанция в два раза больше), затем плавно перескакивать на татами, с татами – в какую-нибудь полезную коллективную игру, а завершать всю эту благодать обязательно полагалось ударной банькой с сопутствующим купанием в ледяной водице. После этого, вечером, не возбраняется часовое общение с чадами – в воспитательных целях, и – в завершение – здоровая любовь с супругой. В традиционной позе, но без особого эротизма. Эротизм – это, товарищи, уже лишнее. Организма слишком возбудится и спать не будет.

Вот такая спартанская концепция. Болеть считалось дурным тоном, а просить отпуск... Какой, в задницу, отпуск, товарищи дорогие?! В стране кризис, коррупция, бандитизм, разруха и бардак, доставшиеся в наследство от прошлого режима. Люди воют от безысходности. Страна, можно сказать, на военном положении, а вы – в отпуск?! Ну уж – извините. Как-нибудь потом отгуляем, все вместе. Когда обстановка более-менее стабилизируется. Нет, если вы настаиваете, мы, разумеется, дадим – конституционное право никто нарушать не собирается. Да, мы дадим и... крепко подумаем – что это с товарищем такое случилось? Если он так устает от работы, значит...

Да, дорогие мои, – мысль о том, что сотрудник может не быть хорошим спортсменом и трудоголиком и не обязан люто фанатеть от своей работы, не допускалась. Если вы, товарищ, не такой, значит, мы с вами ошиблись. Значит, нам не по пути – поищите себе местечко где-нибудь в другом учреждении...

Тимофей Христофорович спортсменом отъявленным сроду не был – слава богу, Природа-мать силушкой не обидела, не было нужды напрягаться. На прежней работе физкультурой занимался только в рамках положенного сотрудникам его квалификации курса – не более того. В Администрации вообще пренебрегал – некогда было.

Отдыхал Шепелев дома. Точнее – не выходя из дома. Новое жилище в Серебряном Бору, которым Тимофей Христофорович обзавелся, благодаря своему теперешнему статусу, вполне к тому располагало.

Свой единственный в неделю выходной Шепелев начинал с подъема в половине десятого, долгого, вдумчивого потребления кофе и прочтения свежих газет в просторном зимнем саду с великолепным видом на речку. Затем принимал душ и шел в бар на первом этаже своего дома, пить пиво с раками в компании трех пенсионеров – высокопоставленных ветеранов органов.

Часиков в пять пополудни возвращался в квартиру, принимал ванну, обстоятельно и долго кушал вкусный обед – он же ужин, приготовленный мастерицей-женой. За обедом, как правило, присутствовали отделенные молодые: несмотря на самостоятельность, по воскресеньям у них почему-то пробуждалась патологическая тяга к родителям. А вернее, к маминной искусной стряпне – отъедались за неделю, восстанавливались от одноразовых супов и разнообразных минутных вермишелей.

После обеда Тимофей Христофорович, желая уединиться от всех, опять шел в зимний сад и до вечера валялся там на широченной тахте, читая книги, лениво просматривая свой персональный малогабаритный «Samsung» и попивая чаек с плюшками.

Вот этот, пожалуй, самый приятный отрезок выходного дня и был прерван неурочным звонком. Звонком, который резко изменил спокойное течение жизни нашего положительного во всех отношениях председателя комиссии...

– Тебя. – Отделенный сын, дежурно гостивший насчет вкусного обеда и плюшек маменькиных, притащил в зимний сад трубу радиотелефона и легкомысленно сообщил: – Этот уже дня три названивает по старому адресу. Надоел – я ему твой телефон дал. Ничего?

– Чего? – Тимофей Христофорович, недовольно нахмурившись, взял трубку и произвел несколько резковатую отмашку от ширинки в сторону двери: сын имел приказ никому не сообщать нового номера телефона родителей. Приказ, увы, систематически не выполнялся – за полгода все старые «связи», с которыми Шепелев был бы рад разбежаться насовсем, номер узнали и регулярно досаждали напоминанием о былой дружбе. Человек из Администрации – это знакомство особого статуса, сами понимаете...

На канале висел однокашник по МГУ – заведующий Калмыцким краеведческим музеем Сергей Дорджиевич Сангаджиев.

Сие чудесное явление отдыхающего Шепелева изрядно озадачило. После окончания университета однокашники виделись единожды: было это в девяносто третьем, когда майор Шепелев в составе группы идеологического обеспечения был в Калмыкии на мероприятиях по подготовке к выборам нового хана.

Сангаджиев принимал однокашника с душой, широко и радостно: шашлык трое суток напролет в загадочной апрельской степи, катание на конях, много водки, стрельба из карабинов по чему-то движущемуся и какие-то разбитные любвеобильные девицы.

Шашлык был высший класс – впоследствии Тимофею Христофоровичу такого есть не доводилось. Водки оказалось слишком много, потом голова гудела, костер двоился и кони вверх ногами ездил. Карабины вследствие преступно-халатного обращения были утрачены.

С девицами получилось как-то невнятно. И получилось ли вообще – сейчас сказать трудно. Однако особых последствий не было – по прибытии Тимофей Христофорович экстренно проверился на концевую сноску, в результате чего обнаружился лишь вульгарный хламидиоз. Ну и слава богу. И на том спасибо.

– Здорово, пропащий! – жизнерадостно завопил на том конце провода однокашник. – Звоню целую неделю – нету тебя. Ну, думаю, все. Эмигрировал! А ты – вот. Ну как ты там?

– Здорово. Спасибо, ничего, – вяло сымитировал радость Тимофей Христофорович.

Чему радоваться? Человек восемь лет не вспоминал о твоём существовании, а теперь вдруг срочно возжелал пообщаться – неделю на телефоне висит. Только ли чтобы побеспокоиться о здоровье и делах? Держи карман шире! Звонит – значит, экстренно понадобились какие-то услуги.

– Тут у нас проблема небольшая получилась, – после положенных приветствий сообщил Сангаджиев. – Культурно-религиозного плана проблема. Я тут вспомнил, что ты у нас как раз по этой части – большой специалист... Помогать будешь?

– Что за проблема? – слегка взбодрился Шепелев. Оказывается, однокашник не знает об изменении его статуса! Это хорошо, это несколько упрощает ситуацию. Значит, и просить будет меньше!

– Да так, ничего особенного, – поспешил успокоить однокашник. – Справки навести о человеке. Мы сами пробовали – туговато идет. С твоими возможностями это будет легче. Помогает?

– Валяй, – великодушно разрешил Тимофей Христофорович, с какой-то неуместной теплотой вспомнив вдруг те сумасшедшие трое суток в апрельской степи. Такого рода справки – не проблема. Если только человек не числится в закрытом реестре соответствующих служб. А заведующий краеведческим музеем с людьми такого типа по жизни пересекаться не должен. Почему и не помочь в таком случае?

Проблема заключалась в следующем. Есть на Тибете такой замечательный религиозный деятель – преподобный Синкаше. Это духовное имя, а в миру, среди учеников и почитателей, именуют его скромно и просто: Посвященный.

– Во что посвященный? – слегка заинтересовался Тимофей Христофорович. – Кем посвященный? И вообще, кто такой?

Ну разумеется – выходец из Калмыкии. Иначе бы не интересовались. Экстрасенс, маг, мастер духа и так далее. Учеников – море. Тридцать лет прожил на Тибете, ни разу на землю предков не наведывался. А тут откуда-то обрывочная информация поступила, что Посвященный вроде бы собирается приехать на историческую родину. С какой целью – неизвестно, когда – неизвестно. Вообще ничего неизвестно. Связь с Тибетом – никуда! Помогаете?

– На Тибете звания просто так не дают, – благосклонно вник Шепелев. – Значит, этот ваш Посвященный не простой тип, верно?

Ой не простой, бачка-бачка – совсем не простой! Помимо всего прочего, принадлежит к высшей аристократии по словесно-генеалогическому признаку: предпоследний прямой потомок знаменитого хана Дондук-Омбо. Ветвь его хоть и не от законнорожденного наследника, зато хорошо сохранившаяся в калмыцком исполнении. Законных наследников – Дондуковых-Корсаковых, прижившихся при российском императорском дворе, – мы потеряли: те давно обрусели, растворились в гнилой российской аристократии, начисто утратили корни. А этот – настоящий калмык, предпоследний...

– Значит, есть еще и последний? – из вежливости поинтересовался Тимофей Христофорович – несмотря на глобальные исторические знания, полученные за последний год, калмыцкая тема для председателя комиссии была здоровенным белым пятном. Как-то недосуг было снизойти, масштабы исследований не позволяли. Знал про калмыка Городовикова – знаменитого кавалерийского генерала Гражданской войны. Еще знал, что была такая Калмыцкая Орда – здоровенная банда злющих монголоидных мужиков, гораздых сабелькой махать да с лука стрелять. Да – на лошадях они ездили, точно. И вроде бы успешно союзничали с Россией в каких-то военных походах. И все – на этом знания ограничивались...

Правильно угадал большой человек Тимоха – есть и последний. Племяш, сын ныне покойного родного брата Посвященного. Он уже далеко не юноша, три дочери у него, а будет ли продолжатель рода – неизвестно. Кстати, этот последний как раз сегодня после обеда приехал погостить на родину – он тоже живет где-то в России.

Но дело, разумеется, не в нем, Посвященный нас интересует гораздо больше. А этот последний как раз кстати именно потому, что есть генеральная задумка: по приезде Посвященного подготовить культурное мероприятие – встречу выдающихся деятелей науки и культуры Калмыкии с выдающимся земляком. И заснять телепередачу. И пригласить на эту встречу племянника – того, последнего. Вот это была бы изюминка...

– Ну и чего волну гоните? – снисходительно заметил Тимофей Христофорович. – Раз собирается этот ваш Посвященный – значит, приедет. Ждите себе спокойно – зачем беспокоиться?

Да не все так просто, дорогой ты наш большой человек Тимоха! Если приедет Посвященный – нужно организовать комитет по встрече, спонсоров привлечь, решить вопросы с культурной программой, проживанием и так далее. А ну как не приедет? Вдруг информация неверная? Получится, что зря людей побеспокоили, на ровном месте шум подняли, высту-

пили в роли этаких несерьезных горлопанов – в общем, большой удар по престижу. Помогашь или где?

– Ладно, попробую. Сделаю все, что в моих силах, – пообещал Тимофей Христофорович. – Оставь свои координаты – перезвоню...

При всех недостатках, присущих Тимофею Христофоровичу, в одном замечательном качестве ему отказать было нельзя: он был по-военному конкретен. Если Шепелев, крепко набравшись на одной из нечасто случавшихся дружеских вечеринок, негромко сообщал коллегам что-то типа «Я вот тому сейчас физиономию откорректирую – достал он меня!», то коллеги, в зависимости от обстоятельств, сейчас же делали одну из двух вещей: либо тащили соратника на выход, либо серьезно просили кандидата на коррекцию физиономии быстро убраться из Тимошиного поля зрения. Потому что твердо верили: сказал – значит, непременно поправит. Привыкли к такой приятной обязательности.

Вот и сейчас Тимофей Христофорович искать причины для уклонения от оказания услуги однокашнику не стал, а поступил именно так, как обещал: сделал все, что было в его силах. Разумеется, канал связи с Тибетом налаживать не бросился – как-то недосуг было, – а просто звякнул бывшим коллегам. С утра в понедельник, пообещав презентовать бутылку армянского коньяка, попросил «прозвонить» все рейсы юго-восточного направления.

Прозвонили – и довольно скоренько. Да, есть такой Синкаше. Прилетел вчера транзитным Катманду – Париж, с целым взводом учеников, ночевал в «Чеченской Редиске»²¹, после обеда собирается на «единице» отбыть в Волгоград. Все.

Спасибо, ребята, – вы по-прежнему на высоте.

«Спасибо» в карман не положишь. Коньяк когда?

Послезавтра.

Ну – до послезавтра...

Позвонив в Элисту, Тимофей Христофорович передал полученную информацию, выслушав в ответ горячие заверения в вечной дружбе и нешуточные зазывания на очередные три ночи – только теперь в июньской степи.

Отговорив с Калмыкией, положил трубку, потянулся с хрустом и вслух предположил: – Может, прокатиться в «Редиску», глянуть на этого экстра?

Однако это так и осталось предположением – профессиональный интерес выиграл, не более того. Некогда было кататься, работы невпроворот. А в качестве ликвидации белого пятна по Калмыкии Тимофей Христофорович отправил в архив парочку шустрых хлопцев – своих «офицеров по особым поручениям», наказав по-быстрому отыскать что-нибудь про этого... как его... А, ну да – про Дондук-Омбо этого. А если не будет отдельной папки, так хоть надергать чего-нибудь по полкам – про этого Дондуку и по истории Калмыкии вообще. Для общего развития. Желательно, конечно, документы постарше, не попавшие под гнет советской историко-идеологической ревизии...

Хлопцы умчались выполнять распоряжение, а Тимофей Христофорович засел, как обычно, ломать голову над проблемой скорейшей реализации одной из своих наработок – чрезвычайно перспективной, но такой громоздкой и неподъемной, что при более тщательном ее рассмотрении все положительные моменты как-то самопроизвольно улетучивались и все более отчетливо начинали обрисовываться контуры печальных ассоциаций, по большей части связанных с обходным листом.

Вот тут в очередной раз сыграл роль тот самый пресловутый Случай.

Ставя задачу подчиненным, Тимофей Христофорович, погруженный в свои размышления, ничего не сказал насчет того, в какой именно архив ехать. Между тем комиссии

²¹ Так оперы промеж себя обзывают лучшую гостиницу столицы – «Рэдисон-Славянскую», которая, по какому-то чудовищному недоразумению, принадлежит чеченской мафии.

доступны были практически все архивы без ограничения, на постоянной основе члены ее паслись минимум в восьми самых больших учреждениях архивного типа, и, отправляя хлопцев на поиски, Шепелев так и решил: будут кататься по этим восьми адресам и подбирать материал, исходя из определенной шефом цели – для общего развития.

Но, как гласит третий закон Чизхолма, «...любые предложения люди понимают иначе, чем тот, кто их вносит...».

Хлопцы «для общего развития» как-то вообще не приняли во внимание, а сосредоточились почему-то на «по-быстрому». Опасаясь прослыть тугодумами, уточнять задачу не стали, поднапряглись самую малость, решая, как бы это организовать «по-быстрому», и посредством нехило развитой дедукции определились коллегиально: в основной, больше некуда.

Основным для комиссии был исторический отдел Кремлевского спецхрана.

Документов там – тонны, но, поверьте мне на слово, все они вовсе не предназначены «для общего развития». Скорее для определенных специфических отраслей и, по большей части, с различными степенями допусков – от «Сов. секретно» и «Особой важности» до таких вообще замысловатых грифов, как «Только тов. Молотову. Больше – совсем никто!!!» и «Лично Юр. Вл. Читать один раз не выходя».

Куда «не выходя» – в эфир, из себя или просто из помещения, – не уточнялось: видимо, Юр. Вл. был человеком догадливым.

– Нам бы, Настя Ивановна, по Калмыкии чего-нибудь, – задушевно попросил старший в паре – Юра Дружинин, просовывая шоколадку через решетку, отделявшую шестидесятилетнюю хранильницу гостайн от посетителей. – Так сказать, для общего развития.

– Можно без грифов, – обаятельно улыбаясь, дополнил ведомый – Вася Харьковец. – Лишь бы постарше, от ВОСР – и вниз. В глубь веков.

– У меня без грифов только пипифакс, – не купилась на обаяние Настасья Ивановна, оборачиваясь на необозримые ряды стеллажей и напрягая цепкую память. – Калмыкия, значит... Вас депортация интересует?

– Это когда было? – уточнил Вася. – До ВОСР или после?

– Тугой ты, Васятка, – укоризненно глянула поверх очков Настасья Ивановна – с шепелевскими питомцами общалась уже год, могла себе позволить некоторую фамильярность. – Разве такая гадость могла до революции произойти?

– Тимофей Христофорович просил постарше, – напомнил Юра. – Чтобы без коммунистических ревизий и всего такого прочего...

– Ну, тогда ждите полдня. – Настасья Ивановна защекотила решетку и отправилась в недра своих владений. – Где-то чего-то там такое было – уже и не помню...

Насчет «полдня» и «не помню» Настасья Ивановна кокетничала: более тридцати лет бессменного служения на одном месте и феноменальная память позволяли ей без особого труда ориентироваться в необъятном скопище папок, томов и документов, делая нашу архиваторшу незаменимым человеком как для множества государственных мужей, так и для простых клерков.

– Вот. – Через десять минут на стойку солидно плюхнулась объемная папка из потемневшей от времени серой кожи, на которой примитивным тиснением без краски было выдавлено «Объ калмыкъ». – Первый документ – от семьсот тридцать пятого, последний – девятьсот четырнадцатым. Только предупреждаю, для общего развития здесь – ничегошеньки. Одни документы и переписка. Гражданским шрифтом – четыре документа, остальное – кирилловский полуустав. Да еще такими корявыми почерками – без лупы не разберешься. Шепелев ваш месяц будет глаза ломать.

– Ничего, зато папка толстая, – солидно заявил Юра, расписываясь в трех местах: за получение 73 листов и собственно папки, за ознакомление с правилами хранения и работы

с документами и за неразглашение государственной тайны. – Шеф разберется – он у нас любит шарады разгадывать...

Шарады Тимофей Христофорович и вправду любил, но разгадывать их в одиночестве не собирался: недосуг было. Мельком глянув на содержимое папки, он притормозил собиравшуюся было улетучиться парочку, загадочно хмыкнул и, расчленив содержимое на три примерно равные части, распорядился:

– Запереться в своем кабинете, читать, в тезисной форме законспектировать суть, вывести на печать, дать мне. Файлы не сохранять – в одном экземпляре чтоб было. Вперед!

И, выдав каждому по одной части содержимого расчлененной папки, выдворил парочку вон. А сам принялся бегло просматривать ту часть, что оставил себе.

Что там приключилось у Тимофея Христофоровича, Юра с Васей, разумеется, видеть не могли – как и было приказано, они заперлись у себя в кабинете, разложили на столах пожелтевшие от времени бумаги и кинули рубль – кому идти за пивом.

Выпал орел – Юре идти. Юра собрался было, но в этот момент добротная дверь сказочно легко распахнулась от удара могучего плеча, вырвав с мясом стальную накладку с косяка, и в кабинете возник шеф.

Был шеф как бы слегка не в себе: целеустремленная озабоченность комкала его чистый лоб в морщинах, глаза блуждали, а на такую мелочь, как запертая дверь, он вообще не обратил внимания.

– Прочитали? – задал Тимофей Христофорович преглупейший вопрос.

– Ихх... Да когда же?! – От изумления старший Юра даже икнул. – Мы... Мы только...

– Ну вот и славно, – непонятно чему обрадовался Тимофей Христофорович и, сграбастав бумаги со столов, спешно направился на выход. – И не надо. Я сам!

– Шиза косит наши ряды, – тихо высказался Вася, проводив шефа удивленным взглядом. – Нельзя так много работать...

Запершись у себя в кабинете, Тимофей Христофорович со вниманием просмотрел все бумаги из папки. То, чего хотел, не нашел и вновь вернулся к отдельно лежавшему листу, обнаруженному им, так сказать, навскидку в той трети документов, которые он первоначально оставил себе.

Вот этот-то лист и вызвал приступ неадекватного поведения председателя комиссии, который в обычной жизни слыл человеком весьма обстоятельным и уравновешенным.

Вторично перечитав каракули, писанные более двух с половиной столетий назад, Тимофей Христофорович перенес в компьютер строки документа, содержащие цифирь, на глазок переводя ценностный эквивалент в современные единицы (за год наловчился оценивать камни, слитки, монеты и иные предметы старины не хуже хорошего нумизмата или антиквара!) и подсчитал. Даже если предположить, что автор документа наполовину приврал, все равно сумма получалась настолько внушительной, что сердечко екало, а по спине активно перемещались виртуальные бикарасы.

– И больше – совершенно ничего, – удивленно покрутил головой Тимофей Христофорович, набирая в текстовом редакторе шапку докладной на верхнее имя. – Ни единого упоминания, ни резолюции тебе... Вот же странные были люди! Ленивые – до жути! Поневоле складывается впечатление, что этот донос попал в такие дурные руки, что... Эм-м... Что, вообще, читал ли его кто-нибудь?..

* * *

...Андрей Иванович окончил чтение, машинально снял нагар со свечи и, поплотнее нагнув на сухие плечи заячий душегрей, отсутствующим взором вперился в слюдяное оконце.

Оконце тускло серело стылým февральским рассветом, обещая вознаградить русский люд за грехи великие очередным непогожим деньком. Снизу, из пыточного подвала, послышался равномерный негромкий стукоток да поскрипывание: палачьи подручные взделись ото сна да сразу ухватились за мехи – горн раздувать.

Ушаков всегда являлся в канцелярию до рассвета, дабы в тишине и покое разобрать поступившие за предыдущие сутки доносы, наветы, жалобы и прочие кляузы. Позже, когда к службе явятся в урочный час приказные людишки, на всех этих бумажках будет стоять толковая размашистая резолюция. Трудитесь, братие, и воздастся каждому по заслугам его! Летом ли, зимою – пока жив да здоров Андрей Иванович, работы в подвале всегда будет невпроворот, скучать никому не даст. Столько государственной важности дел, столько тайн великих, столько людишек маются, ожидаючи, когда же подвальные ремесленники на дыбу взденут да раскаленными шипцами начнут ребра драть поодиночке. Ждут сего момента, дабы завыть дико от боли адской да с чистою душою выложить Великому инквизитору очередную порцию сокровенных помыслов своих...

Андрей Иванович отрешенно смотрел в оконце, неспешно мямл крепенькой рукою больное колено и вяло размышлял. Значит, помер казак Андрюшка Кривой, который оказался третьим лишним. Хорош служака Пузо, инструкцию полученную блюдет верно...

Андрей Иванович покрутил головой и протянул ноги к топлёной с вечера русской печи, из широкого зева которой в простывший за ночь кабинет нежарко несло экономным теплом.

– Што ж так припозднилось-то? Кабы ране чуток – кстати бы пришлось...

Да, случись ему такой донос годика три-четыре назад, когда почившая нонче Анна Иоанновна была в самом соку да в яростном вечном поиске новых средств для изошренных своих увеселений... Тотчас бы все бросил и стремглав помчался будить, ни секунды не раздумывая, презрев оплеухи и немилость монаршую! Жадная до дармовых богатств императрица в полной мере оценила бы находку своего верного пса...

Андрей Иванович не спешил. Времена нонче не те. Набальзамированная императрица – в лавре, а нынешние временщики для Великого инквизитора – пустой звук.

Не для кого глотку рвать... Кроме того, прожив долгую и трудную жизнь, Ушаков прекрасно знал, что большие сокровища прячут так, чтобы никто не смог найти. Прячут, охраняют и берегут пуще ока зеницы. И, по обычаю, стоит добыча тех сокровищ большой крови. Кому это сейчас надо? А потом: на самом ли деле все так, как обсказывает в доносе хитрый Пузо? Кто поручится, что это не праздный треп пьяного калмыцкого воина, желающего произвести на русских дружков впечатление? Или того хуже: никакой это не треп, а контрмина? Что, ежели хитромудрый Дондука ведет какую-то свою игру, суть и цели которой пока что никому не понятны?

– Охти мне, болезному, – широко зевнув и перекрестив рот, пробормотал Андрей Иванович, взяв со стола медный звонец с ручкой из беличьего хвоста, и, дважды потряхнув им, решил: – А щас и поглядим, как оно станет...

На звон спешно вошел приказной дьяк из дежурной ночной тройки – Никифор. Дородный телом, неопрятный, опухший с лица, с топорщившейся во все стороны несолидной бороденкой, на Крещение бритой за проигранный заклад: спал, собака, как обычно!

– Сей документ чел? – скрипучим голосом спросил Андрей Иванович.

– Усе документы, што на обзор представил, – усе чел, так точно, – бодро закивал Никифор, боясь поднять взгляд на страшного человека. – Кой именно документ интересуе, ваше-ство?

– Демьяна Пуза донос, – уточнил Андрей Иванович, впившись взором ястребиным в глупо блымкавшие глазенки Никифора, оплывшие от бессовестного обжорства и питья чрезмерного.

– Так точно, батюшка, чел! – поспешно подтвердил Никифор и вдруг позволил себе личное мнение: – Чудной документик, ваше-ство! Неужто то правда, што Пузо сказывает?

– Должно, так. – Андрей Иванович благосклонно кивнул – туповатый дьяк был прост и прозрачен, как первая мартовская сосуля. – Добрая новость, Никифорушка! Спасибо, разутешили на старости лет. На-ка, прими за работу.

– Да за что же, милостивец?! – с растерянным испугом проблеял дьяк, принимая у Андрея Ивановича серебряный рупь и отвешивая низкий поклон. Куда ж тут денешься? Даже если какой подвох, шутка изуверская – нельзя не принять! Не таков человек, чтобы ослушаться! – Ведь по обычаю службу справлял, ништо не деял лишнего...

– Вот за службу и даю, – твердо сказал Андрей Иванович. – Заслужил, бери – подвоха нету тут никакого. Добрая весть наградой красна. Будет казне весомый прибыток, потому радуюсь я. Давай зови всех, кто с тобой чел сию документацию: всем по рублю жалую. В кои-то веки заслужили не плетей за браги питье на службе, а награду стояшшу. Зови, сказал!

– Дак никто не чел боле, – растерянно пробормотал дьяк. – Аккурат Пузин донос предпоследним лежал – я чел, а Нефед с Алексашкой спа... гхм-кх...

– Спали, значит, сучьи дети?! – притворно нахмурился Андрей Иванович, сверкнув взором. – На службе?!

– Прости, батюшка! – Оговорившийся ненароком дьяк сразу пошел пятнами, посунулся на колени, вlepив с размаху лбом в не мытый еще пол, хранивший следы вчерашних людских терзаний, – до того могуч был страх перед сухоньким сенатором. – Не повторится боле – клянусь...

– Встань, дурья башка! – криво хмыкнул Андрей Иванович. – Не ползи, встань – а то вдарю...

Нет, не врал дьяк. Людишек, пребывающих у него в подчинении, Ушаков знал как облупленных: при всех своих недостатках, Никифор никогда не отказался бы порадеть за товарищей, дабы те получили из господских рук по рублю. Не врал!

– Нету зла на вас... Сегодня прощаю все. За то, что благою весть принес, – на-ка тебе...

Никифор от ужаса округлил глаза, наблюдая, как Великий инквизитор достал из кармана плоский металлический полуштоф, откупорил и набулькал добрых полкружки. Судя по запаху, водка была хороша – московская хлебная, тройная, доброй очистки, – какую и положено потреблять высоким господам. Но не в качестве водки дело, а в том, из чьих рук принимаешь! Скажи кому, что за сон на службе принял чарочку из рук Самого, не поверят люди ни за что. Скажут – совсем сдурел с испугу великого, городит что ни попадя...

– На, я сказал! – повысил голос Андрей Иванович, сердясь на робость дьякову. – За добрую весть жалую – не за нерадивость к службе!

– Спаси господь, батюшка. – Истово перекрестившись, Никифор принял чарку, умильно покосился на образа и медленно, запрокидывая голову, в пять глотков выпил огненную жидкость, аки воду простую.

Андрей Иванович, глядя на жирный кадык, дергавшийся в такт булькам под не отросшей как следует бородой, окончательно определился.

Никакой контрмины нету – отсутствуют у Дондуки какие бы то ни было резоны запутывать императорские тайные службы. То, что караван перевозил с бережением великим и отвод сочинял про ногаев, говорит в пользу того, что для хана сия гишперция действительно крайне важна и к огласке никоим образом нежелательна.

Ах какая интересная да занимательная картинка получается! И кому же этот караван предназначался? Вот ведь незадача – нет у Андрея Ивановича ответа на такой вроде бы совсем простой вопрос! Ко всем тайнам империи такого масштаба имеет ключи Великий инквизитор – по чину положено. А вот к этой, поди ж ты, – нету...

– Благодарствую, батюшка. – Выпив водку, Никифор чинно занюхал засаленным рукавом, осторожно поставил кружку на стол и отвесил низкий поклон. – Вовек твоей ласки не забуду...

– Печать... – вдруг смутно озаботился Андрей Иванович. – Печать не вскрыта ли была на пакете с доносом сим?

– Господь с тобой, батюшка! – испуганно всплеснул руками Никифор. – Коли бы так – тут же доложил бы, как Уставом заведено... Целехонька печать была – и курьерский ящик тож опечатан как следует.

– Ну, добро, – порадовался Андрей Иванович. – Добро, коли так. Цалуй за ласку!

– Благодарствую, батюшка, – истово промычал Никифор, низко склоняясь над столом и раболепно хватая протянутую для поцелую сухонькую длань. – Вовек...

«Стук!!!» Цепко ухватив дьяка за руки, Андрей Иванович потянул его на себя, резким рывком продолжая движение несчастного, и на завершающей фазе с маху прислонил виском к остро выступающей над столом мраморной чернильнице. Брызнуло чернилами на бумаги, слабо ойкнув, дьяк всем телом завалился на стол, по его жирной спине пробежала мелкая дрожь.

– Да ты, никак, пьян, собака!!! – неожиданно громко взвизгнул Андрей Иванович, с трудом спихивая дородное тело на пол и пряча стоявшую на столе кружку в карман душегрея. – Спотыкаться на докладе?! Да я тебя...

На начальственный взвизг тотчас влетели из сеней двое приказных стражей с мушкетами. Испуганно глянули на господина, растерянно мигая на свет. При виде распростертого на полу тела приосанились, переглянулись понимающе – не повезло, однако, сегодня дьяку, угодил на самого!

– В подвал! – велел Андрей Иванович, коротко ткнув перстом на дверь. – Двадцать плетей за нерадение!

– А он... помре! – втянув голову в плечи, доложил один из стражей, первым ухвативший Никифора за шкуру. – Не шеволится совсем...

– И впрямь – преставился, – подтвердил второй страж, поелозив пальцами под бородой дьяка и закатав ему веко. – Вот неловко упал-то, господи прости...

– Ай-ай! – нешуточно опечалился Андрей Иванович. – Скот был, слов нет, но такой работяшший дьяк... Ай, жалко! Ну – тащите прочь, что ли. Шлите курьера: цирюльника со слободы, пусть посмотрит да приберет как надобно. Да поживее, сучье племя, – мне работать надобно...

Глава 5

...Да, дорогие мои, вот так вероломно с нами поступили служители культа: укололи, утащили, упаковали, увезли...

Стоп... А почему – с нами? Сначала ведь хотели забрать одного Бо – меня никуда не приглашали, это я помню очень хорошо. Зачем же тогда взяли обоих? Меня должны были бросить там, на аллее, как только я нырнул в свою цветную трубу и перестал быть опасен – я-то господам монахам совсем не нужен! Что за прихоть? Ни для противовеса же, чтобы верблюду было удобнее!

– Бо? – вопросительно вякнул я, втягивая голову в плечи. – Ты тут или как?

– Ну, – ответил Бо. – Тут.

Правильно я определил точку сопения: мой боевой брат находился совсем рядом – по ту сторону верблюда. А погонщик верблюжий – он же ближний конвоир – проявляет преступно-халатное миролюбие. Попробовали бы у меня пленные вот так переговариваться в бытность мою верным псом Родины, я бы им устроил веселое времяпрепровождение!

– Как оно вообще, Бо? – слегка осмелев, поинтересовался я. – Ты живой?

– Ну, – буркнул Бо.

– А почему не спрашиваешь – как я? – продолжал я развивать успех. – Или ты меня уже вычеркнул из своей жизни?

– П...болишь – значит, в норме, – высказался Бо. – Был бы ранен, уже ныл бы вовсю.

– Чего бы это я ныл? – неприятно удивился я. – Разве я не могу, как положено по уставу, стойко переносить...

– А ты по жизни нытик, – бесцеремонно оборвал меня Бо. – Чуть что не по-твоему – сразу ныть!

– Злой ты, – обиделся я. – Толстый, противный, злой и... и попадосный. Это из-за тебя мы попали.

– Я в курсе, – согласился Бо, однако в подробности вдаваться не пожелал – обстановка как-то не располагала.

– Конвоиры у нас – чайники, – совсем обнаглел я. – А?

– У них по-русски понимает только старший, – проинформировал меня Бо. – А он впереди едет.

– А команды пресекать болтовню не получили, – подхватил я. – А сами не догадаются. Тормоза!

– Нет, – возразил Бо. – Они просто не такие, как мы. Они думают по-другому... Говори еще.

– Еще? Пожалуйста. Вот тут меня мучает один вопросишко. – Я не стал себя упрашивать дважды. – Скверный такой вопросец, в общем-то, и ненужный, может быть... С тобой, в принципе, все понятно. Нет, по какому поводу – непонятно. Но в целом ясно: хотели – утащили... А меня?

– Да, залепуха. – Бо всегда понимает меня с полуслова – с ним мне не нужно утруждать себя оформлением своих измышлений в удобоупотребимые формы. Достаточно обозначить направление вопроса. – Херня какая-то. А щас спрошу...

И действительно: обратился к кому-то в пространство на своем языке. Как ни странно, один из конвоиров ответил на все его вопросы вполне миролюбивым тоном – и даже заткнуться не посоветовал. Чудные вы, ребяташки!

– Ну и что там? – с нетерпением поинтересовался я, дождавшись долгой паузы, вполне могущей означать окончание беседы.

– А все – п...дец тебе, – не стал успокаивать меня Бо. – Ты двоих монахов покалечил. Один – при смерти. Если сдохнет, тебя будут судить.

– Чего это мне – п...дец?! – страшно возмутился я. – Ну ни хрена себе! Напали, укололи, похитили... Да замучаются судить! Как только к ментам заявятся – они оттуда уже не выйдут...

– А кто тебе сказал, что они собираются к ментам? – поправил меня Бо. – У них свой суд. Если их человек умрет, они тебя подвергнут суровому испытанию. Правда, я не понял толком – какому именно.

– Прикалываешься? – не поверил я. – Что за испытание?

– Ни хрена я не прикалываюсь! – Бо даже тон повысил – огорчился моим тугодумством. – Ты сам подумай – какое испытание. Я в их обрядах ни хрена не смыслю – это ты у нас спец по всей этой херомути...

Воодушевленный сообщением боевого брата, я принялся лихорадочно ковыряться в кладовых своих познаний по части судебно-наказательных ритуалов тибетского толка и прикидывать на все лады, как мне оных ритуалов избежать.

Бо, несмотря на его кажущуюся монументальность и грубиянство великое, переживал – я чувствовал это по его мрачному сопению. Как же – затащил младшего брата в передрагу. У нас всегда было наоборот: по младости лет я частенько доставлял ему неприятности, а он выкручивался и меня выручал. А сейчас впервые в жизни получилось так, что я попался из-за него. Только вот не знаю, удастся ли выкрутиться...

Вот такая экзотика получилась. И даже через край. А когда через край – сами понимаете, это уже не радует. Этак и захлебнуться недолго.

– Я сам дурак – ты тут ни при чем, – успокоил я Бо. – Ты же меня не брал – я сам навязался. Вот и...

– А я дурак, что взял, – не согласился Бо. – Мог бы не брать. Но ты не ссы, я тебя не брошу. Если что – сдохнем вместе.

– Спасибо, братка! – возрадовался я. – Утешил, урод толстый...

Повисло тягостное молчание. Как всегда бывает в аналогичных ситуациях, в моем организме всюю заработал синдром запоздалого раскаяния. Затревожился мой избалованный организм – не желал он после долгих лет благоденствия участвовать в каком-то неизвестном испытании с непредсказуемым финалом. Ему бы, организму, после всех этих перипетий в спортзале попотеть, в баньке прожариться, под искусными руками массажистки покряхтеть, за столом весело посидеть. А на десерт – с победным хрустом внедриться с разбегу в недолюбленную плоть степной красавицы. Вот это да, это нам по душе!

Да, по поводу запоздалого раскаяния. Попадая по младости лет в различные пакостные истории, я всегда горько сожалел, что не наделен каким-нибудь экстрасенсорным умением. Ну, хотя бы минимальным даром предвидения. Допустим, лезешь не туда, куда надо, а тебе – хрясть по башке! Не лезь – попадешь! И ты резво разворачиваешься и идешь себе мороженое кушать, благоразумно глядя со стороны на опасность, которой только что избежал.

Увы мне, увы: ничем таким особенным я не обладал. А потому частенько обзаводился разнообразными неприятностями, для благополучного избавления от которых приходилось вертеться подобно ужу на сковородке. Хотя, насколько мне помнится, непосредственно перед началом очередной такой передраги можно было и безо всякого дара с большой уверенностью предположить, что лучше не соваться – огребешь по самое «не могу»...

Нынешнее наше путешествие в Калмыкию с самого начала сулило обрасти определенными проблемами: это было очевидно даже при поверхностном рассмотрении некоторых деталей. И если брать по большому счету, теперешнее наше положение – не что иное, как следствие моей фатальной настырности, замешенной на нездоровом любопытстве, более

присущем юному повесе, нежели солидному мужчине тридцати пяти лет от роду, главе достаточно крупной фирмы.

Бо, калмыцкий парень, как я уже говорил, длительное время жил среди русских и на родине предков бывал достаточно редко – только по случаю каких-нибудь больших торжеств либо столь же немаленьких печальных событий.

– Делать там не хрена. – Вот так он сам объяснял свои редкие визиты к родным пена-там. – Как приедешь без повода, сразу «шестерки» хана в активность впадают. Без повода – значит, по делу. А по какому такому делу? И давай скрестись вокруг да в рот заглядывать...

Да, дорогие мои, – вот так все непросто. Калмыкия – маленькая отдельная страна, а вовсе не субъект, каковым она декларативно числится в нашем федеральном институте. Европейское ханство с азиатским укладом и отчетливо прослеживаемой клановой иерархией, давно потеснившей официальную структуру государственного управления, в наличие и работоспособность которой продолжают радостно верить наши верхние государственные мужи, пребывающие в приятном заблуждении относительно федерального устройства такого рода «субъектов».

Но это их проблемы – качественно верят они или, напротив, некачественно играют в приятное псевдофедеральное благополучие за особого рода дивиденды. А для нас с вами факт остается фактом: в этом регионе, где сейчас мы с Бо резвимся не по своей воле, все принципы жизнедеятельности основаны на законах правящего клана. Ты можешь быть непревзойденным специалистом в своей сфере и во всех отношениях прекрасным человеком, но, если ты не принадлежишь каким-то боком к правящему клану, извини: тебя непременно выкинут со своего места, а твое место займет «свой» парень. Тот факт, что он непреходимый тупица и никудышный работник, никакой роли не играет – все с лихвой окупает принадлежность к главенствующей социально-семейной группировке. Если не принадлежишь – свободен. На что-либо приличное в пределах региона рассчитывать не приходится.

А ежели тебя угораздило принадлежать к другому клану, который проиграл в тайной войне за власть либо в силу каких-то причин не пожелал примкнуть к насильственно выведенной социометрической элите, тут твой статус определяется уже несколько иначе. Примерно так: пока свободен. Пока не начал, вопреки мнению главенствующего клана, искать себе достойное место под солнцем на земле своей родины...

А потому, если ты полон сил и энергии и не желаешь прозябать в статусе стороннего наблюдателя – добропорядочного безработного, младшего помощника чабана на чужой точке или просто мальчика для битья, – тебе лучше подобру-поздорову убраться куда-нибудь за пределы. В противном случае твои глубокие позитивные качества будут оценены адекватно степени твоей потенциальной опасности для правящего клана и по результатам этой оценки примут надлежащие меры.

Например, просто вывезут в степь. Или, чтобы бензин не тратить, крепко искупают в Ярмарочном пруду...

Бо, увы, к правящему клану никаким боком не принадлежал. Родители его, не пожелав возвратиться на родину, так и умерли где-то в Красноярском крае. Родной брат отца, тяжело пережив сибирские испытания, с надломленной психикой укатил на Тибет, постригся там в монахи, и более о нем никто ничего не слышал. Другие родственники, после депортации вернувшиеся в Калмыкию, сплошь и рядом подались в новую формацию интеллигенции, предпочитавшей обучение и воспитание подрастающего поколения хитросплетениям политборьбы и бизнеса. Не было тогда нужды бороться: как-то само собой получилось, что правящим кланом в степной республике длительное время была именно вот эта свежая поросль интеллигенции, выдвигавшая на руководящие посты наиболее достойных своих представителей. В общем-то это было закономерно: после депортации самые умные и

талантливые объединились на основе общей идеи и принялись активно «поднимать» республику. И все у них очень даже неплохо получалось – вплоть до апреля 1993 года...

Подрастающее поколение оказалось более жизнеспособным и проворным: встав под знамена молодого хана, старую интеллигенцию моментально попросили из различных присутственных мест, благосклонно кивнув на прощанье: спасибо, выучили, воспитали. Отдыхайте теперь, дальше мы – сами. А по прошествии некоторого времени, обратив внимание на нездоровую активность старых кадров и их безудержную оппозиционность по отношению к новой разрушительной формации, молодой хан провел идеологическую «зачистку»: повышибал из общественно-политической сферы калмыцкого мироустройства всех фрондирующих товарищей, отчасти создав для них невозможные условия существования, отчасти действуя совсем уж нехорошими методами. Иными словами, кого щедро грязью облили, кого – в степь, кого – купаться, кто просто сам удрал из республики, не желая испытать печальную участь некоторых бывших коллег и единомышленников. А те, кто остался, перешли в разряд «кухонной» оппозиции, опасаясь критиковать дурные замашки молодых дебоширов в открытую. Люди все же умные, не самоубийцы...

В разряд «лизунов» Бо переходить не собирался – воспитан не так. Помощником чабана на точке быть не желал. А потому на свою историческую родину последние восемь лет смотрел скептически и с ног до головы состоялся на чужбине.

В свете вышесказанного стоит обратить ваше внимание на тот факт, что Калмыкия хоть и ханское государство, но по сути – большая деревня. Триста пятьдесят тысяч жителей всего, из них девяносто – в единственном более-менее развитом городе, столице республики Элисте. По численной совокупности это средненький район такого города, например, как Волгоград. То есть все друг про друга все знают, предвосхищают и угадывают каждое последующее движение, а любые сплетни распространяются с семафорной скоростью.

Про Бо тоже знают: что он не просто толстый калмык, проживающий вне пределов республики, а герой всех кавказских войн, бывший спецназовец, бывший же бандит, глава крупной охранной фирмы областного центра с более чем миллионным населением.

По калмыцким меркам Бо – большой человек. К тому же этот большой человек – представитель оппозиционного клана, в свое время ответивший отказом на предложение войти в формировавшуюся команду молодого хана и таким образом подтвердить свою лояльность новой формации ловких хапуг, давших себе клятву высосать из родной республики все соки до последней капельки. А потому каждый приезд такой сомнительной личности на родину вызывает самое пристальное внимание со стороны властей предрежащих.

А Бо внимания не любит. И вовсе не потому, что скромный уродился. Бо, как и любой нормальный диверсант старой школы, придерживается твердого принципа: чем лучше замаскировался, тем больше шансов выжить...

Теперь пара слов о производственных аспектах нашего нехорошего путешествия.

Помимо всего прочего, мы с Бо держим в Новотопчинске «Славянку». Это ресторан, уютное такое заведение для изысканной публики. Банкетный зал, пять кабинетов, три небольших зала по семь столиков, стилизованные по эпохам: европейское Средневековье, древнерусская корчма, самаркандская кябабхана периода Хорезмского ханства. Кого попало мы не пускаем, всячески поощряем постоянных клиентов – вплоть до именных столиков и персональных официантов, балуем посетителей живой музыкой и хорошенько следим за порядком: в охране ресторана работают лучшие питомцы фирмы Бо. В общем, не буду распространяться далее, скажу лишь, что наше совместное заведение цветет и пахнет.

Однако все вышеперечисленные достоинства мало что значат, если к ним в комплекте не прилагается хорошая кухня. Люди приходят в ресторан в первую очередь вкусно покушать: вы можете ставить на столы золотую посуду, раскладывать приборы, инкрустирован-

ные бриллиантами, и посадить в фойе хор им. Александра – но если у вас отвратно готовят, никто к вам ходить не станет.

В «Славянке» готовят замечательно – я сам гурман, понимаю в этом толк. А гвоздем программы нашего фирменного меню до недавнего времени были некоторые блюда, приготовленные из продуктов, исправно поставляемых родичами Бо из Калмыкии по более чем умеренным ценам. Особенным спросом пользовался шашлык и люляшки из молодых барашков, а также ряд деликатесов из «мраморного²²» мяса. Я в свое время покатался по Кавказу, съел не один пуд шашлыка и со всей ответственностью заявляю: калмыцкие бараны – самые вкусные из всех существующих в природе. Мясо их не имеет характерной для обычной баранины отдушки и сохраняет отменные вкусовые качества даже в холодном виде, спустя много часов после приготовления. Это потому, что курчавый шашлык вскормлен не чем попало, а целебными травами, каковые в ареале Калмыкии представлены более чем тремястами видов. Ну а про «мраморное» мясо и говорить не приходится: раньше, до перестройки, его поставляли исключительно к столу самых больших членов. В смысле – членов ЦК и Политбюро.

Такая милая пастораль сельскохозяйственного типа длилась вплоть до конца зимы этого года. Несложный и компактный механизм поставок из Калмыкии в конце зимы вдруг начал давать сбои, а весной окончательно издох: на три счета. Раз! Перестала поступать осетрина из Цаган-Амана²³. Два! Прекратилась доставка «мраморного» мяса из Яшалты. Три! Улан-холские барашки в нашем меню приказали долго жить.

В процессе ухудшения поставок Бо несколько раз проявлял озабоченность по данному поводу и беспокоил родственников звонками: чего, мол, там у вас? Совсем, что ли, от рук оборзели?

– Так это ж временные трудности... – Вот так отвечали родственники. – Неблагоприятный период. Он скоро кончится, и тогда все пойдет по-прежнему...

И в самом деле – период вскоре закончился. Но по-прежнему ничего не пошло: в начале апреля кухня «Славянки» осталась совсем без калмыцких деликатесов.

Мы, разумеется, приняли меры, напряглись, извернулись, по мере сил поменяли основные ингредиенты привычных блюд на вполне приемлемые аналоги местного и околместного производства. Но публика стала задавать вопросы: она у нас балованная, ее на мякине не проведешь!

– Ну и что там у вас стряслось? – слегка осерчав, насел Бо на сородичей. – Мне что – приехать разобраться?

– Приезжать не надо – мы тут сами, – уныло ответили сородичи. – Это нукеры хана балуют. Все государственные заведения разорили под корень, хапнули, что можно было, теперь за частных принялись. Чабанскую точку в Улан-Холе и фермерское хозяйство в Яшалте заставили лучшим друзьям хана продать – чеченам. Рыболовецкую артель в Цагане прикрыли, участок забрал себе концерн «Каспий» – личная фирма хана. Наверно, скоро побегут – потому так вот хапают. Раньше просто доили, сейчас решили, видимо, всех – к ногтю.

– Ничего, я приеду разберусь, – пообещал Бо. – Схожу на прием, поговорим...

– Да ты там совсем от жизни отстал, дорогой ты наш большой человек! – горько возопили сородичи. – Во-первых, ты хана в Элисте не поймал – он как неуловимый Джо, постоянно в зарубежных обитает. Во-вторых, тебя к нему на пушечный выстрел не подпустят, потому как ты в черном списке. Хан страшно злопамятный, он хорошо помнит всех, кто хоть раз ему в чем-то отказал. Кроме того, как говорится, – что с возу упало, то пропало. Даже

²² Мраморное мясо – особым образом вскормленная говядина с многочисленными жировыми прослойками на разрезе (так называемая мраморность).

²³ Цаган-Аман – один из калмыцких участков Каспия.

если чего-то с аудиенцией и выгорит, толку от этого не будет. Не станет хан у своих верных нукеров обратно из горла кусок рвать. Так что вы там как-нибудь сами выкручивайтесь с мясом и осетриной. А вмешиваться не стоит – только хуже будет...

– Вот ведь непруха, – огорчился Бо. – Так все хорошо было! А теперь сиди и думай, как это дело урегулировать. Ты как думаешь: мы обойдемся или как?

И знаете – наверняка обошлись бы. Осетрину возили бы из Астрахани – у нас там позиции есть. По всей видимости, можно было бы договориться брать подороже барашков без характерного привкуса и «мраморное» мясо в той же Калмыкии, у тех же чеченов, постепенно прибирающих к рукам степной край. Какая нам, в принципе, разница, Босха Бадминич за этими барашками ходил или Ахмед Абдуллаевич?

– Нет, не обойдемся! – сурово и мужественно вякнул я, идя на поводу у эмоций и не желая глубоко вникать в ситуацию. – Этого вашего зарвавшегося шахматиста пора привести в чувство.

– Ну ни фуя себе! – Бо искренне удивился – и эта искренность показалась мне какой-то совсем не характерной для моего бесстрашного боевого брата. – И кто же этим займется?!

– Не волнуйся, найдутся такие силы, – заверил я, загадочно глядя в окно – голос мой был тверд, как у Левитана, объявляющего о несвоевременном переходе баварских пацанов через Буг. – Придется все-таки товарищу хану поступиться своими принципами. И забрать у своих нукеров тот самый пресловутый кусок.

– погоди, погоди, – не на шутку озабочился Бо. – Ну-ка, скажи мне, куда ты собираешься обращаться? Ты хоть представляешь, какой это уровень?

– Это мои проблемы. – По понятным причинам я не считал нужным сообщать Бо о существовании такого милого заведения, как Профсоюз. – Но можешь быть уверен: этого парня сурово поправят. Это я тебе обещаю. А ты пока отдыхай – я вскоре тебя проинформирую о положении дел...

Да, дорогие мои, – вы, видимо, уже и сами поняли, что я дурака сваял. От сытой житухи и достаточно длительного пребывания в статусе «большого человека» мозги ожирели. Утратил осторожность, растерял осмотрительность, пренебрег вбитым в башку правилом: сначала добудь всю возможную информацию по объекту приложения усилий, досконально «выведи» его, «разработай», а уже потом, тщательно все взвесив и просчитав, принимай окончательное решение. Да что там говорить попусту: скурвился ваш покорный слуга, нет другого определения!

«Совсем от рук офуел, урод волосатый» – вот так констатирует Бо в аналогичных случаях (у него на теле практически ничего не растет – национальная особенность, а у меня, напротив, лохматенькая такая грудинка и мохнатый пресс. Завидует, лишенец!).

– Что такое – Калмыкия? Кто такой – хан? – более чем легкомысленно рассуждал я, руководствуясь скуными рассказами Бо да собственными поверхностными знаниями в данном вопросе. – Один район большого города, не более того – как уже говорилось выше. А хан – в лучшем случае – предводитель районной ОПГ²⁴. Щас звякну профсоюзным товарищам, они уж поправят зарвавшегося молодого повесу. Пусть впредь с оглядкой озорничает...

– Ну и куда тебя понесло, красивый ты наш? – неожиданно высказал озабоченность Профсоюз. – Он тебя «заказал»? Украл твоего родственника? Отнял бизнес?

– Да нет, все не так страшно, – успокоил я свою «крышу» и вкратце объяснил ситуацию. – Надо просто поправить мальчика. Пусть вернет, что неправильно взял, – и все дела...

– Не лезь туда, – посоветовал Профсоюз. – Не ищи на задний бампер приключений. Он тебя не трогает, и ты его не трогай. Это совсем другой уровень. Это – «крыша» самого

²⁴ ОПГ – организованная преступная группировка.

высокого государственного разряда. Это – целая армия. Не лезь – а то по стенке размажут, и мы помочь не сумеем...

Слегка опечалившись, я с некоторым опозданием принялся за сбор информации по объекту приложения усилий. Опросил знакомых в соответствующих органах, поковырялся на некоторых «левых» сайтах Интернета, копнул подшивки «желтой прессы»...

Ну да, правильно подсказывали профсоюзные ребята: совсем другой уровень. Одноразовое притеснение сородичей Бо – жалкая капля в море дивидендов от пресловутой офшорной зоны, стратегических проделок под высоким покровительством, нефтяных проектов и тому подобных замыслов вселенского масштаба. Что там чабанская точка да хозяйство! Уж если молодой хан открытым текстом посылает все подряд комиссии счетной палаты, а москвичи третий год прощают ему недоимку в несколько сот миллионов баксов, то нам остается просто утереться!

Вот с таким безрадостным отчетом я заявился к Бо. Чувствовал себя, мало сказать, сконфуженным. Давненько, давненько мне в роли пустозвона выступать не приходилось! Система, в которой я большую часть своей сознательной жизни функционировал, не любит пустых фраз и предполагает, как нечто само собой разумеющееся, строгую ответственность за каждое твое заявление. Обещал – выполни.

В данном случае спасало то обстоятельство, что пустое обещание состоялось в отношении Бо. Бо – старший брат, с ним можно не напрягаться. В худшем случае обзовет всяко-разно и выпишет подзатыльник.

– Был не прав, погорячился, – так я предварил свое выступление, пряча покаяние под напускной небрежностью. – Тут вот такая петрушка получается...

– Да в курсе я, – невозмутимо резюмировал Бо, выслушав мое сообщение. – Мог бы время не тратить. Спросил бы меня, я бы тебе и без Интернета дал полный расклад.

– И что теперь? – уточнил я.

– Прокачусь, посмотрю, – сказал Бо, лениво сощурившись в окно, принял решение, стервец, даже не спросив моего мнения! – На месте проработаю обстановку. Может, что-нибудь прояснится...

– Ты хотел сказать – «прокатимся»? – обескураженно уточнил я. – Думаю, в таком деле пара умелых рук лишней не будет?

– Там ты мне не нужен, – невозмутимо отверг мое предложение Бо. – Вот как раз там твоя пара будет лишней.

– Ты меня вычеркнул из своей жизни?! – не на шутку обиделся я. – С каких это пор я стал лишним в твоих делах?

– Я сказал – «там», – поправил меня Бо. – Вынь писюны из ушей, слушай правильно.

– Тупой я, тупой, – удрученно покаялся я. – Ну-ка – отчего это я там буду лишний?

– Ты там – чужак, – пояснил Бо. – Мне там и так светиться нельзя. А ты будешь под ногами путаться да внимание привлекать. «Знаете, кого Болдырев привез? Президента сельхозкорпорации! О-е, бачка-бачка!!!»

– Ничего я не буду путаться, – быстро поменял я тактику. – Ненароком скажешь, что я – президент липовый, типа зиц-председателя Фунта. А на самом деле я специалист по восточным религиям – приехал экзотики нахвататься. Вот я и буду этой самой экзотикой заниматься: монахами, шаманами, культами, обрядами – а в твои дела вообще соваться не стану. Занимайся сколько влезет, мое дело – сторона.

– Ну-ну. – Бо хитро прищурился – он меня насквозь видит, такие штуки с ним не проходят. – «Сторона», значит? Ну, смотри! Твоя жопа сам себе хозяин...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Вот так все с ходу бросить и прокатиться в Калмыкию у нас не получалось – исходя из упомянутого выше статуса Бо. Нужен был веский повод, со всех сторон оправдывающий приезд большого человека Бо и пребыва-

ние его в течение какого-то времени на родине предков. А потому мы просто затаили злобу и почти полтора месяца выжидали, собирая между делом любую доступную информацию по интересующему нас объекту.

А в начале июня образовались сразу два повода: свадьба двоюродной сестры, полностью спонсируемая Бо, и последующий за этим через две недели юбилей дяди. Правда, свадьба случилась несколько несвоевременно (у калмыков обычно женят по осени – в данном случае, как сказал Бо, имели место нормальные по современным меркам нюансы сугубо физиологического порядка), но это никого не волновало, а для нас было как нельзя более кстати.

Вот оно, алиби – достойное и исчерпывающее во всех отношениях! Семейственность у калмыков стоит превыше всего: было бы даже странно, если бы Бо вдруг не почтил своим присутствием два столь значимых мероприятия...

Перед отъездом мы обсудили ситуацию и определились с основными задачами путешествия.

Сразу скажу: война с ханом в наши планы не входила. Мы парни хоть и бравые, суровые, испытанные – но отнюдь не камикадзе. Кое-чего в этой жизни достигли, имеем хорошее положение, определенное состояние и неплохие перспективы на будущее. В общем – нам есть что терять, и терять это мы не собираемся. Сражаться с коррумпированной государственной машиной, одним из агрегатов которой является хан, – это удел героев, проникнутых светлым оптимизмом детективных романов, авторы которых живут в своем выдуманном розовом мире и живого убийцу не видели ни разу.

А мы не герои. Мы сами – потертые шестеренки похожей системы. И живых убийц мы не только видели неоднократно, но и руками трогали. И не только руками. И не только живых...

И вообще, имеем мнение, что с машиной бороться нельзя, и прекрасно знаем, чем такие дурные эскапады заканчиваются...

Вопрос: зачем мы вообще поперлись в Калмыкию в таком случае? Да все просто, дорогие мои! Мы с Бо решили собрать на Кирхана компромат. Но не обычную компру по типу журналистского расследования в стиле суровой правдоискательницы Лены Касюм – нет, ни в коем случае! Такая методика только в Европах эффективна, где законность и права человека превалируют над любыми клановыми условностями. А у нас это давно не работает, потому что мы привыкли. Нет, я Лену заочно люблю, и моя личная оценка ее профессионализма чрезвычайно высока. Только вот не понял, чем она собиралась удивить почтенную публику, повествуя о детских шалостях уездной степной автократии, в то время как за кадром остались вещи гораздо более несуразные и порой просто необъяснимые?

Судите сами. Снят одним росчерком пера начальник регионального УФСБ, не угодивший правящему клану; полковник МВД из проверочной комиссии, хапнувший дозу летальной информашки, среди бела дня вдруг сигает вниз головой с балкона; в республиканской больнице стабильно поправляются раненые чеченские боевики; для устранения неугодной журналистки сидящего в СИЗО преступника в извращенной форме отпускают в «увольнение»; находящийся в федеральном розыске господин Абу Мовсаев в сопровождении личной охраны вовсю раскатывает по Элисте, нанося визиты чиновникам МВД и госаппарата и производя между делом экскурсию с банкетам по местам прежней²⁵ службы...

...Вот лишь незначительные крохи информации, которая доступна каждому жителю Калмыкии – без какого-либо ограничения! Ну и что – кто-нибудь почесался?

Нет, нам был нужен компромат иного рода...

²⁵ Мовсаев начинал свою службу в МВД Калмыкии участковым одного из самых бандитских поселков и, надо отдать ему должное, поддерживал там уставной порядок.

Мы собирались поискать, чем таким занимается Кирхан со товарищи, что могло бы сильно не понравиться его могущественной московской «крыше». Эти уездные князья – такие баловники, такие шалуны! При всей их вящей лояльности Центру, на местах всегда сыщется масса соблазнов организовать втихаря свой персональный бизнес, с которого не нужно отчислять проценты Покровителям. Наряду с этим на местах всегда возникают возможности производить кое-какие махинации совместно с некоторыми сторонними силами, которые ханским Покровителям, скажем так, не очень дружественны...

Иными словами, мы с Бо собирались произвести разведку: кое-что снять, записать, сфотографировать, подобрать материалец какой-никакой и в дальнейшем товарища хана некоторым образом прошантажировать. Нет, не нагло и развязно, как в кино показывают, а так себе – самую малость, слегка. Ты хороший парень, и мы тоже ничего себе пацаны. Вот что у нас есть – глянь-ка. Мы ничего такого не просим: ты только отдай назад что взял – с тебя не убудет. А мы взамен клянемся молчать до гробовой доски и любить тебя как брата...

Экипировались соответствующим случаю образом – благо в средствах мы не стеснены. Взяли ноутбук с наработанной базой и адресом в Интернете, цифровую видеокамеру, два диктофона, пару портативных фотоаппаратов и кое-какие шпионские штучки из арсенала фирмы, возглавляемой Бо. Я очень хотел прихватить пару хороших стволов, но Бо категорически отверг такое заманчивое предложение:

– Мы там стрелять не собираемся. Да и спокойнее так: сам знаешь, когда оно под рукой, трудно удержаться от соблазна...

Ну вот: собрались, посоветовались, экипировались, сели на вишневый джип «Grand Cherokee», принадлежащий Бо, – и покатили себе потихоньку. Благо мой родной Новотопчинск тут неподалеку – каких-нибудь восемьсот километров...

...Мерная поступь корабля пустыни действовала не хуже хорошего транквилизатора. Если бы не дурные мысли да неудобное положение, давно бы уже заснул: солнышко ласково припекает, птички щебечут, травами пахнет так хорошо... А с другого верблюжьего бока соблазнительно храпит мой толстяк. Бо вообще фаталист по натуре: если он будет точно знать, что вечером ему предстоит умереть, то это событие ни в коем случае не будет воспринято им как повод для отказа от хорошего обеда с последующим двухчасовым сном.

А меня терзали дурные предчувствия. Что-то подсказывало, что испытание, уготованное мне монахами в случае смерти травмированного тибетского инокa, – полнейшая дрянь. Не будут меня там феи степные ласкать, игриво прислоняясь к организму разными местами и проверяя, скольких за раз я смогу удовлетворить в нетрадиционных позах. И пить армянский коньяк наперегонки с главным монашеским обжорой не заставят. А будет там скорее всего какая-нибудь летальная пакость...

– Приехали? – несколько нервно поинтересовался я, когда после достаточно продолжительного времени передвижения караван вдруг стал.

– Ты хотел сказать: «Пи...дец, приехали!»? – хриплым ото сна голосом отозвался Бо и, прокашлявшись, задал вопрос приставленному к нашему верблюду монаху.

– Спасибо, ты добрый, – пробормотал я. – Если тебя когда-нибудь поведут расстреливать, я тоже от души посмеюсь.

– За нами кто-то наблюдает, – перевел Бо ответ монашка. – Они встали, потому что не хотят показывать направление движения.

– Вот даже как! – тихонько порадовался я. Наблюдают – это хорошо. Эти наблюдатели могут оказаться дотошными государевыми людьми и припрутся поинтересоваться – кто да кто тут по степям на верблюдах гуляет? То есть у меня есть шанс... – А кто наблюдает? И вообще, хотелось бы хоть краешком узнать, куда нас волокут? Знаешь – такое нездоровое любопытство разбирает, может, даже некоторым образом неуместное в данной...

– Да я тебе скажу – куда, – лениво прервал мои словоизлияния Бо. – Помнишь, у меня дядя – брат отца?

– Помню. – Я подумал, как бы покорректнее подобрать формулировку: – Эм-м... Это тот, что в путешествие отправился?

– Да, это тот самый сумасшедший, – не принял подачи Бо – он вообще любит называть вещи своими именами. – Тот, что сдуру на Тибет удрал и в монахи подался.

– Ну это ничего, ничего – там прекрасный воздух, родниковая вода, там Дао снисходит в души страждущих, и... эм-м... – Я вдруг запнулся – что-то меня в ответе Бо насторожило. – Ну и как он там – на Тибете?

– Никак, – буркнул Бо. – Ни хрена тамошний воздух на него не подействовал – как был сумасшедшим, так и остался. И он сейчас не на Тибете. Он, сволочь, сюда помирать приехал. В родные степи. Вот теперь эти лысые уроды нас к нему и конвоируют. Проститься хочет, псих-одиночка.

– Ай-я-яй! – не на шутку озаботился я. Вот здорово! Шутка Бо насчет какого-то там эфемерного испытания приобрела вдруг более отчетливые очертания. Я, вообще говоря, к сумасшедшим того... не очень. Я бы как-нибудь и без них обошелся – в жизни и так много интересного и занимательного...

– Вот и я сразу сказал: пи...дец тебе, – напомнил Бо. – А ты как-то внимания не обратил...

– А что ж ты сразу не сказал, куда нас тащат? – обиженно воскликнул я. – Мы уже сколько едем – ты ни слова ни полслова...

– А ты не спрашивал, – философски изрек Бо. – А потом – какая разница? Тебе что – от этого... Погоди-ка! Слышишь?

– Слышу! – отозвался я, уловив где-то вдалеке до боли знакомый рокот винтов.

Вот оно – чудо научно-технического прогресса! Железная птица называется. И хорошо, ежели эта птица принадлежит к такому ведомству, как федеральная пограничная служба. Или к другой федеральной службе – немножко непограничной. Тогда люди в железной птице наверняка заинтересуются, что это за караван гуляет тут по степи. Потому как это запросто может быть, например, караван с наркотой или оружием. А такие караваны положено отслеживать со всем пристрастием!

– А они слышали гораздо раньше, – заметил Бо, имея в виду монашков – мои восторги по поводу «вертушки» его не задели. – Стареем?

– Они мяса не едят, – негромко ответил я, держа уши торчком в сторону источника равномерного рокота. – Они постятся, занимаются чем положено. Они к богу ближе... Интересно, как там поломанный монашек?

– Ему плохо, – раздался вдруг рядом печальный голос старшины монахов. – Совсем плохо. Но он – сильный. Если нам никто не мешает, приходим быстро. Тогда лечим хорошо. Тебе лучше – нет твоей вины.

– Спасибо, – растроганно пробормотал я, а сам подумал: а нет, пусть уж лучше мешают! Как-то там оно выйдет с монашком – бабушка надвое сказала. А к сумасшедшему в гости что-то совсем не хочется – особенно в связанном виде... Увы, вскоре выяснилось, что мои надежды оказались напрасными. «Вертушка» недолго покружила, держась на почтительном удалении, и убралась восвояси.

Незадача! Светлая грусть наполнила мое тренированное сердце. Эх ты, железная птица! То ли принадлежишь ты не тому, кому надо, то ли пилоты подслеповатыми оказались, то ли еще куда...

– Непруха, – констатировал Бо, когда караван начал движение. – Не твой день. Интересно – что это за испытание такое? Хорошо бы – в клетку со змеями. А?

– Сам дурак, и шутки такие же, – злобно буркнул я. После неких событий в своей жизни я страшно не люблю змей. Бо прекрасно об этой нелюбви знает, хотя и не догадывается, чем она вызвана. – Чем же это хорошо?

– Ну, лучше, чем в чан с кипящим маслом, – невозмутимо пояснил Бо свою точку зрения. – Или жопой на кол. А?

– Лучше, – вынужден был согласиться я. – Чем в чан – конечно... Но лучше как-нибудь обойтись без этого. Что-то я не расположен сегодня...

Часа через полтора, а может, меньше – время в мешке казалось резиновым – караван остановился вновь.

– Вот теперь точно: «П...дец, приехали!» – предположил я. – Бо?

– Ни хрена, – буркнул Бо. – Опять какая-то заморочка.

Толстый, как всегда, оказался прав – что-то там у монахов опять не ладилось. Залопотал старшина монаший, поднялась какая-то нездоровая суeta – нас в два приема бесцеремонно вытрусил из мешков, положив верблюда и перекинув меня на сторону Бо (неглупые товарищи – я гораздо легче!).

– Ну ты коленки отъел! – возмутился Бо – при перекидывании я угодил коленом в его мясистый живот. – Полегче!

Ответить я не успел: нас поставили на ноги, быстро развязали и стащили с голов тряпки.

– Ух ты! – Степь нестерпимо ярко плеснула в глаза ослепительным изумрудом разнотравья, шибанула в забитые пыльным мешком ноздри духмяными ароматами нагретых солнцем соцветий. Красота! Лепота! И – жить хочется.

Да, кстати – насчет «жить». Я быстренько проморгался, осмотрелся и принялся разминать затекшие конечности. Караван остановился в небольшой зеленой балке, склоны которой были покрыты не шибко густым кустарником. Невдалеке, подрагивая в сиреневой дымке, виднелись пологие холмы, сплошь покрытые лесом.

– Ну и куда нас занесло? – удивился я вслух: накануне, как полагается любому нормальному вояке перед забросом на плацдарм, тщательно изучил карту Калмыкии. Так вот – лесных массивов такого масштаба там нет! – Бо?

– погоди, – отмахнулся Бо – он был занят. Старшина монахов, присев перед ним на корточки, быстро лопотал что-то по-своему, показывая рукой на юг и чертя в траве веткой. Бо изредка кивал и выглядел крайне озабоченным.

Монахи в это время проявляли какую-то нездоровую активность: один рвал полынь и набивал ею мешки, из которых нас только что вытрусил, а остальные с лихорадочной поспешностью ковырялись в кустах, не хуже экскаваторов вырывая пальцами из склона куски дерна – даже легко раненный трудился, действуя одной рукой.

Немало удивившись такой неурочной деловой прыти, я с некоторым опозданием принялся разрабатывать рациональную идею насчет окончательного обретения былой свободы и некоторого возмещения морального ущерба. Погорячились вы, товарищи монахи, так опрометчиво освободив наши конечности! Теперь нас двое, мы в боевой готовности и знаем, каких пакостей от вас можно ожидать.

– Я очень извиняюсь, что прерываю вашу милую беседу... – елеинным голоском начал я, пребывая в некотором недоумении по поводу странной недогадливости Бо – обычно он такие вещи с полунамека понимает. – Но не кажется ли вам, что пора...

– погоди, – опять махнул на меня рукой Бо. – Щас...

Старшина монахов прекратил лопотать и поднял вверх руку, призывая к вниманию. На несколько секунд служители культа застыли как изваяние. Мы с Бо тоже замерли и прислушались. Что там – опять «вертушка»?

– Джип, – сумрачно обронил Бо.

Да, где-то вдалеке был слышен приближающийся гул автомобиля. Какой марки машина, разобрать с такого расстояния было проблематично, но Бо сказал – джип. У него у самого – джип, он свою машину любит, лелеет и различает тон работы ее двигателя среди десятков аналогичных моделей.

Джип – машина вместительная. На ней могут прикатить семь-восемь человек. И не с пустыми руками!

– Нужно быстро. – Бесстрастное лицо старшины монахов чуть заметно дрогнуло, лоб украсился вдруг капельками пота.

– Пошли. – Бо схватил меня за руку и поволок к импровизированной норе, оборудованной в кустах монахами.

– Хотя бы вкратце – чего мы делаем?! – Я даже не старался скрыть своего удивления. – Ни слова не понял!

– Спрятаться негде, – пояснил Бо, продираясь сквозь кусты и поудобнее устраиваясь в отрытой монахами нише. – До леса – километр. Они нас сверху завалят. Когда все кончится, мы уйдем. Шевелись!

– Черт знает что, – буркнул я, с сомнением озирая окрестности. Действительно, спрятаться в балке было негде – она хорошо просматривалась на всем своем протяжении. До лесистых холмов – как минимум километр открытого участка степи, просто удрать, чтобы остаться незамеченным, невозможно. Другой вопрос: отчего это мы должны в данном положении слушаться монахов и прятаться или удирать от преследующих их людей? Очень, очень сомнительная ситуация!

– Ко мне, я сказал!!! – возвысил голос Бо, которого уже начали обкладывать дерном.

– Чтоб мне сдохнуть! – в отчаянии воскликнул я, однако не замедлил присоединиться: привычка во всем полагаться на толстяка оказалась сильнее любых сомнений. – Пусть только глаза и уши оставят – иначе я не согласен.

Бо что-то пробурчал на своем: старшина кивнул, отдал трудившимся вокруг нас монахам распоряжение и специально для меня, тупого недотепы, пояснил:

– Оч-чень плохие люди. Очень. Нельзя пускать к Посвященному. Все кончится – вы уходите...

Вскоре нас заложили дерном и травой, оставив небольшие отверстия для глаз, ушей и органов дыхания. Монахи отошли подальше, отряхнули свои накидки, вытерли руки о траву и изобразили томный отдых, слегка усугубляемый некоторой возней с травмированным мною товарищем, который все это время возлежал в тени небольшого деревца.

– Вопросы, – прошептал я, прислушиваясь к приближающемуся звуку двигателя. – Кто такой – Посвященный? Кто такие – плохие люди? И потом, что значит – «все кончится»? Что кончится?

– Ты лежи и смотри, – пробурчал Бо. – Сам все увидишь.

– Имею право знать! – возмутился я. – По-твоему, я похож на барана, который безропотно ложится под нож?

– На барана не похож, – хмыкнул Бо, осторожно выплюнув попавший в рот маленький камешек. – Баран – кудрявый... Посвященный – это мой сумасшедший дядя. Эти лысые считают, что я должен во что бы то ни стало попасть к нему. А следят за ними плохие люди. Кто такие – точно не знаю. Какие-нибудь гондоны, которым нельзя к Посвященному. Все?

– А что – «кончится»? – не удовлетворился я ответом. – Что именно кончится?

– Когда кончится, мы увидим, – философски заметил Бо. – А пока – гляди. Началось...

И впрямь – началось. Солидно рыкнув, на краю балки возникла нахальная джипья морда, оскалилась усиленным бампером и, уставившись мутными фарами на монахов, зависла над склоном.

Из джипа вышли пятеро хлопцев примерно моего возраста: крепенькие такие, проворные, без животов. Хлопцы были облачены в разномастный камуфляж, форменные же футболки, разгрузочные жилеты и кроссовки, а в руках имели «СКС²⁶» 7,62 калибра.

В общем, товарищи могли равновероятно быть либо охотниками, либо бандитами. Четверо явно были тутошние, а один, в котором я сразу определил командира, – метис. Последствия проделок соседей-дагестанцев. Метис этот был в панаме, в аккуратной солидной бородачке, а на шее у него болтался двенадцатикратный бинокль.

Панамный метис повесил карабин на плечо, стволом вниз, преувеличенно радостно выкрикнул приветствие и, расплывшись в широченной улыбке, припустил к старшине монахов, лопоча что-то приятственное на слух. Ну ни дать ни взять – заплутавшие в безразмерной степи беззаботные гуляки, несказанно обрадовавшиеся при виде невесть как затесавшихся в эту балочку служителей культа!

Только вот спутники панамного слегка подкачали. Им, судя по всему, уроки коммунистичности не прививали – не за тем держат. Поэтому спутники улыбки на лицах имели явно натянутые, присоединяться к командиру не спешили, а рассредоточились по склону с интервалом в пять-семь метров, чуть спустились и встали на некотором удалении, держа стоянку под полным огневым контролем. А один вообще остался наверху, у джипа, и улыбкой себя утруждать счел нецелесообразным: настороженно поворачивал башку на 180 градусов, озирая окрестности.

²⁶ «СКС» – самозарядный карабин Симонова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.